

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. А. АКАЕВ Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
- С. Р. АМЕЛИ вице-президент Тегеранского университета (Иран), доктор философии, профессор
- П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- С. Ю. ГЛАЗЬЕВ академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
- Д. А. ГРАНИН писатель, Герой Социалистического Труда СССР, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- А. Б. КУДЕЛИН научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- А. МУСА генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Р. И. НИГМАТУЛИН директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии

А. САДЖАНХАР	секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия)
В. делла САЛА	профессор Университета Тренто (Италия)
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Мы начинаем работу XVI Международных Лихачевских научных чтений. Позвольте мне сказать несколько слов от имени Оргкомитета Чтений. Начало Лихачевским чтениям было положено в 1993 году инициативой Почетного доктора СПбГУП академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, выдающегося ученого-гуманитария, ставшего символом российской культуры.

Дням науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов после ухода из жизни академика Лихачева было присвоено его имя. Мы с писателем Даниилом Граниным обратились к Президенту России Владимиру Путину с просьбой об увековечивании памяти академика Лихачева. В. Путин отреагировал на наше обращение немедленно, указ был выпущен через три дня после поступления нашего письма в аппарат президента. Это невиданный случай в современной, а может быть, и вообще в российской истории, когда научный, гуманитарный вопрос был рассмотрен президентом в такие короткие сроки. С тех пор наши Чтения носят название «Международные Лихачевские научные чтения».

Чтения, проходящие ежегодно в мае начиная с 1993 года, приурочены, как хотел Дмитрий Лихачев и как мы задумывали, ко Дню славянской письменности и культуры, Дню святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности. Лихачевские чтения за последние 8–10 лет стали крупнейшим форумом научного гуманитарного знания во всем мире.

Помимо взрослой аудитории, в Чтениях участвует молодежь — 750 лучших школьников России, которые написали научные работы, посвященные трудам академика Лихачева. В этом мы видим продолжение дел Дмитрия Сергеевича. Таким образом, ежегодно в Лихачевских чтениях принимает участие порядка полуто-

ра тысяч человек, представляющих разные поколения, отрасли научного знания и т. д.

Международные Лихачевские научные чтения — междисциплинарный гуманитарный форум, в котором принимают участие не только крупнейшие ученые-гуманитарии планеты, но и выдающиеся общественные, государственные деятели, деятели науки, культуры и искусства. В 2016 году в Чтениях принимают участие более 20 членов Российской академии наук и зарубежных академий наук, свыше 50 профессоров ведущих университетов мира, около 60 зарубежных общественных и государственных деятелей из 28 стран мира.

Особенность формата проведения Лихачевских чтений заключается в том, что доклады не зачитываются полностью. Все участники представляют свои доклады в письменном виде, и они заблаговременно публикуются на сайте Университета, а после форума — в сборниках, которые затем поступают в ведущие библиотеки мира. В этом году, кроме традиционных форм проведения Чтений (пленарное и секционные заседания), мы используем новый формат — панельные дискуссии.

Попечительский совет СПбГУП возглавляет многолетний участник Международных Лихачевских научных чтений, один из видных государственных деятелей не только нашей страны, но и мирового сообщества, занимающий ряд важнейших постов в крупнейших (и по численности, и по значению) международных организациях, Михаил Викторович Шмаков.

М. В. ШМАКОВ¹: — Уважаемые участники XVI Лихачевских чтений, рад приветствовать вас в на-

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов

шем Университете и желаю, чтобы Чтения прошли так же интересно и эффективно, как и в предыдущие годы.

Хочу зачитать приветственную телеграмму Президента Российской Федерации Владимира Путина: «Уважаемые друзья! Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как “Современные глобальные вызовы и национальные интересы”, обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимопользительных дискуссий, успехов и всего самого доброго».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется заместителю министра иностранных дел РФ Геннадию Михайловичу Гатилову.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, организаторы и гости! Позвольте мне зачитать приветствие министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Викторовича Лаврова, в котором, в частности, говорится: «Актуальность тематики нынешних Чтений трудно переоценить. Сегодня, когда мир сталкивается с многочисленными глобальными вызовами, включая беспрецедентный всплеск терроризма, особое значение приобретает нахождение разумного баланса между обеспечением национальных интересов и коллективной дипломатической работой с опорой на международное право и Устав ООН.

Россия продолжит работу по налаживанию коллективных усилий в интересах формирования отвечающей реалиям XXI века полицентричной архитектуры глобального управления, будет способствовать выстраиванию взаимоуважительного межцивилизационного партнерства».

и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранные выступления и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней.

Отталкиваясь от этих мыслей, со своей стороны хотел бы сердечно поприветствовать всех присутствующих и сказать, что этот авторитетный форум по традиции собирает представительных специалистов, экспертов в научных кругах, общественных деятелей, политиков, экономистов из многих стран мира. Это является свидетельством растущей заинтересованности в осмыслении ключевых культурно-цивилизационных проблем современности. Проблемы, возникающие ежедневно, требуют глобальных подходов. Растет конкуренция в научной и технологической областях, которая приобретает цивилизационные измерения. Все чаще мы наблюдаем соперничество, борьбу за умы людей. В связи с этим встает вопрос о том, как реализовывать национальные интересы и обеспечивать безопасность государства так, чтобы не наносить ущерба другим, но в то же время отстаивать собственные позиции.

Сегодня мы столкнулись с терроризмом — главной угрозой, требующей выработки общих солидарных подходов, поиска способов противостояния этому злу, которое распространилось практически по всему миру (всем известно, что происходит на Ближнем Востоке, как зарождался терроризм на территории Ирака и Сирии). К сожалению, приходится констатировать, что несколько лет назад, когда возникла реальная проблема опасности терроризма, наши западные партнеры старались закрыть на нее глаза по одной причине — они использовали терроризм и радикальные группировки для свержения режима Башара Асада.

Теперь же, когда терроризм приобрел угрожающие масштабы и чудовищные формы, все говорят о необходимости объединения усилий в борьбе с этим злом. Россия готова к этому, российская дипломатия поддерживает тесные контакты с партнерами, включая американских. Хочется надеяться, что наши общие усилия в конечном счете принесут позитивный эффект.

За последний год появилась новая проблема — миграционная. Это результат той политики, которую проводили наши западные партнеры на Ближнем Востоке. Она породила миграционные потоки, которые уже захватили всю Европу. И сегодня Европа пытается отгородиться, строит заборы, чтобы предотвратить наплыв беженцев, вместо того чтобы решить проблему в корне. Фактически Евросоюз пытается откупиться, с тем чтобы мигранты не приезжали в европейские страны. Это еще одна негативная сторона межцивилизационных отношений и того, по какому пути сейчас развивается этот конфликт. Мы наблюдаем размежевание и непризнание иных культурных ценностей, проблем, с которыми сталкиваются другие народы. Все это требует серьезного осмысления того, как эту проблему нам решать совместно.

В области культуры происходит то же самое. Террористы в Пальмире уничтожили памятники, история которых исчисляется тысячелетиями, расстреляв их из крупнокалиберной артиллерии. Ни о какой культуре террористов речи быть не может, есть лишь попытка разрушить культуру. Концерт симфонического оркестра Мариинского театра под управлением В. Гергиева имел колоссальный эффект, прежде всего на местное сирийское население. С каким вниманием и благодар-

ностью они воспринимали это мероприятие! Важно, что ситуация с Пальмирой объединяет всех, кто выступает за налаживание межкультурного диалога, сохранение истории, архитектурных памятников. В этом плане Россия занимает лидирующие позиции, предложив наладить международное сотрудничество для того, чтобы восстановить Пальмиру. У нашей страны для этого есть большие возможности. В Пальмире, в частности, побывали директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский и целый ряд представителей российских музеев. Сейчас обсуждается вопрос о том, чтобы на базе ЮНЕСКО составить план мероприятий по восстановлению этого исторического и культурного памятника. Это хорошая площадка для объединения усилий международного сообщества.

Следующий вопрос также связан с межкультурными, межгосударственными отношениями — процессы, происходящие сейчас в области информации. В настоящее время ведутся информационные войны с использованием глобальных средств массовой информации, происходят фальсификации, подтасовка фактов и т. д. То беспрецедентное информационное давление, которое оказывается на Россию, требует объективного и адекватного ответа.

Недавно наша страна отпраздновала 71-ю годовщину Великой Победы. Надо сказать, что во многих странах помнят и чтят подвиг советских воинов и армии союзников и на этом фоне абсолютно недопустимыми выглядят попытки принижения роли нашей страны в Великой Победе и освобождении народов Европы от нацизма. Никакого комплекса вины у нас нет и не должно быть. Мы будем твердо отстаивать нашу правду о Второй мировой войне и гордиться теми завоеваниями, которые появились в результате войны, в частности созданием Организации Объединенных Наций. Устав ООН — незыблемый документ, на основе которого должно строиться международное сотрудничество и международные отношения.

Надеюсь, что в ходе дискуссий, которые будут проходить на Лихачевских чтениях, наши зарубежные друзья и партнеры сделают свои выводы, дадут оценки и, вернувшись в свои страны, будут отражать те мысли, которые прозвучат здесь. Желаю участникам и гостям Чтений продуктивных и насыщенных дискуссий!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется председателю Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, академику РАН Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, студенты, все слушатели XVI Лихачевских чтений, я хочу поприветствовать вас от имени Государственной Думы и Президиума Российской академии наук.

Прошло 10 дней после празднования Дня Победы и менее 10 дней остается до очередного дня рождения Санкт-Петербурга. Недавно я прочитал воспоминания 90-летнего немецкого солдата, который написал, что немцы тогда были очень наивными и не понимали, что идеология и политика определяют очень многое:

«Мы в 1942 году не понимали, для чего шли на Ленинград и Сталинград. Если бы мы в 42-м знали, что в то время города с такими названиями не сдаются... А мы не могли этого понять — и все потеряли». Эта мысль перекликается с темой XVI Лихачевских чтений — «Современные глобальные вызовы и национальные интересы».

Политику во многом определяет наука. Вторая мировая война в 1939 году называлась войной моторов. В 1942 году наступил перелом, ознаменовавшийся подъемом советской промышленности, которая произвела вооружения в два раза больше, чем Германия и Европа, вместе взятые. Случилось интеллектуальное чудо, когда мы создали технику лучше, чем была у передовой американской армии. С этого момента войну стали называть войной интеллектов. Тогда в той войне советская наука победила — это ни у кого не вызывает сомнений — ценой невероятных потерь: 27 млн погибших. В 1941 году, согласно переписи населения, в СССР проживало 95 млн человек, в 1946-м — 68,5 млн. С 1939 по 1940 год прирост населения в Советском Союзе составил 3 млн. С 1941 по 1946-й за пять лет не родилось 15 млн человек. Это настоящие потери.

Несколько слов о великом переселении народов. Сегодня 1 млн 200 тыс. человек эмигрировало из Африки в Европу в течение года, и это привело к большим проблемам. В Советском Союзе во время войны за четыре месяца 20,5 млн переселились на восток страны (из Москвы — 2 млн, из Ленинграда — более 800 тыс. и т. д.). Но не было никаких волнений на национальной почве. Население Урала до войны составляло 11 млн, во время войны увеличилось до 22 млн.

Произошел и профессиональный переворот: 60–70 % работающих на предприятиях во время войны — дети, старики, женщины. Синергетический эффект духа, нравственности, усилий народа и привел к Победе. И когда 24 апреля 1944 года в Европу вошла 12,5-миллионная советская армия, то равных ей не было — это была самая технически оснащенная, обстрелянная и, главное, имеющая четкие нравственные устои армия — она защищала свою Родину.

Через три месяца после долгожданной Победы 9 мая мир вновь висел на волоске. Американцы сбросили две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Оказалось, у союзников было такое оружие массового поражения, которого не было у СССР. И что бы мы делали, если бы в 1943 году по предложению двух академиков, Вернардского и Ферсмана, Сталин не открыл лабораторию № 2 в Пыжиковом переулке, которую в феврале 1943 года возглавил 40-летний доктор наук Игорь Васильевич Курчатov. В сентябре 1943 года в Москве на общем собрании Академии наук его избрали академиком. В 1947 году наши спецслужбы и внешняя разведка доложили, что в Америке сформирован план «Троян», по которому 1 января 1950 года по Советскому Союзу должен быть нанесен удар — 300 ядерных зарядов и 20 тыс. обыкновенных бомб. И что бы мы делали, если бы у нас уже пять лет не работала лаборатория, занимающаяся созданием атомной бомбы? Курчатov прожил 57 лет, Королев —

59 лет. И только третий — Келдыш — одолел 60-летний рубеж. Они работали сутками и свободно вздохнули 29 августа 1949 года, когда на Семипалатинском полигоне было произведено испытание первой советской атомной бомбы. Паритет был восстановлен. Вот что такое политика и наука.

В современной ситуации происходит то же самое. Россия — ведущая энергопоставляющая страна, один из столпов энергетики. За пять последних лет в этой отрасли благодаря науке и наукоемким технологиям произошли колоссальные изменения. В США разразилась «сланцевая» революция. Добыча сланцевого газа ведет к изменению глубоких слоев почвы и нарушению экологии. За последние пять лет США из потребителя углеводорода № 1 стали одним из главных его поставщиков. Европа сейчас заполнена сланцевой нефтью, сланцевым газом. Это послужило тому, что Китай стал первым потребителем природного газа, а Россия — одним из ведущих производителей. Нефтегазовый, энергетический диалог Европы с Россией уменьшился, более того, послужил базой для геополитики, чтобы конфронтационный механизм запустить по всем направлениям, вплоть до санкций.

Нашей стране сегодня нужны мощный наукоемкий прорыв, передовые технологии — не просто продажа сырой нефти, а переработка до нанопродуктов, которые стоят в сотни раз дороже. И такие технологии у нас есть. 17 июня в Петербурге на экономическом форуме президент будет вручать ежегодную премию «Глобальная энергия» — российский вариант Нобелевской премии по энергетике — российскому академику Парамонову.

Нам нужен прорыв, подобный тому, что мы совершили в 1941–1945 годах. Нужно проводить такую же экономическую политику, с таким же результатом, которого мы добились тогда, реализовывать социальную политику с человеческим лицом, чтобы войти в двадцатку развитых экономических стран и по уровню, и по качеству жизни (чтобы россияне жили больше 80 лет, сегодня продолжительность жизни составляет 71 год, 122-е место в мире). Это будет обыкновенное чудо, которое российский народ совершал и еще неоднократно совершит за свою тысячелетнюю историю.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Впервые в Лихачевских чтениях принимает участие один из выдающихся представителей арабского мира господин Амр Муса.

А. МУСА¹: — Благодарю за приглашение принять участие в Лихачевских чтениях. На меня произвели большое впечатление выступления, которые я услышал. Международная ситуация вызывает обеспокоенность происходящими событиями. Необходим новый формат взаимоотношений, особенно в связи с теми событиями, которые произошли в мире, волной терроризма и неправильной международной политикой, которая сейчас проводится. Сегодня мир переживает период глубоких перемен. Это уже не тот мир, который суще-

ствовал раньше. Постоянно возникают новые серьезные вызовы, например политический курс, приведший к разрушениям в отдельных регионах мира — на Ближнем Востоке, в арабском мире. Нам нужны перемены, поэтому в нескольких странах мира и произошли революции. Мы не можем жить по-прежнему, так, как жили в XX веке. Нужно открыться другим странам, необходима взаимосвязь в новом, XXI веке.

Итак, мир изменился. Именно перемены характеризуют Ближний Восток сегодня. Мы уважаем Россию, потому что она стремится к налаживанию дружественных отношений со всеми странами и народами. Я согласен с тем, что сказал заместитель министра иностранных дел России господин Гатиллов о Пальмире, разрушении культурных объектов и восстановлении такого важного города. Но хотел бы добавить, что разрушение Пальмиры — это разрушение истории, которое также можно сравнить с разрушением жизни. Сегодня на Ближнем Востоке на смену процессу разрушения приходит восстановление на основе дружбы. Важно понимать, что нам нужен новый региональный порядок, связанный с вопросами безопасности.

Сегодня молодежи арабского мира (основная масса арабского населения на Ближнем Востоке — это молодежь до 35 лет, которая составляет более 70 %) нужны не только работа и рабочие места, но и признание и уважение. Ближний Восток и Средиземноморье будут меняться и двигаться в направлении другого порядка и мироустройства.

Сегодня политика ООН утрачивает свои позиции. Совет Безопасности ООН работает недостаточно эффективно и не служит опорой Уставу этой организации. Мы встречаемся с молодежью на международных конференциях, посвященных ситуации в Сирии и Ливии, и на других форумах. Зачем в таком случае нам нужен Совет Безопасности ООН? Мы хотим, чтобы ООН работала последовательно, но когда речь идет о вопросах войны и мира, позиции этой организации перестают быть актуальными. Между региональными интересами и международной политикой существует пропасть. Наблюдаемые сегодня мировые глобальные вызовы и национальные интересы несовместимы. Мы должны добиться их совместимости. Думаю, что мы движемся в правильном направлении. Достичь результатов помогут наука и техника. Ради этого было принесено много жертв в ходе Первой и Второй мировых и других войн.

Ближний Восток особенно нуждается в региональном порядке. Какими должны быть взаимоотношения с великими державами? Мы уважаем Россию и в то же самое время видим, что многие западные страны, проводя свою политику, оказывают на нас негативное воздействие. Взаимоотношения между великими державами соответствуют письменным договоренностям. Учитываются ли в них надежды и чаяния людей Ближнего Востока? Я не вижу здесь искренности, как и большинство жителей этого региона. Нам нужны другой миропорядок, другие взаимоотношения. Люди полны ненависти из-за разрушений. Региональная политика сейчас находится в печальном состоянии — на Ближнем Востоке хаос.

¹ Генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001). В 2012 г. баллотировался на пост президента Египта (за него было отдано более 2,5 млн голосов). Награжден орденом Иерусалима.

Мы видим, какой огромный вклад вносит Россия в борьбу за права людей и как твердо выступает против разрушения стран, городов и уничтожения их жителей. Народ Сирии сейчас уезжает из своей страны в разные уголки мира. Силы, которые вызвали этот процесс, до сих пор препятствуют нормализации процесса. Россия не придерживается мнения, которое распространено среди определенных западных стран, считающих, что они должны только управлять проблемами (организуя одну конференцию за другой), но не решать их.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Лихачевские чтения за многие годы сложились как философско-культурологический форум, поэтому я хочу предоставить слово выдающемуся философу, академику Вячеславу Семеничу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Сегодня мы переживаем беспрецедентный рост различных кризисов, которые ранжируются от локальных до глобальных. Глобальные кризисы можно свести к трем вызовам: рост терроризма, надвигающаяся экологическая катастрофа и антропологический кризис. Тот тип цивилизации, в которой мы сейчас живем, основан на следующей стратегии развития — это, с одной стороны, рост и экспансия мирового рынка во все новые сферы социальной жизни и подчинение этих сфер рыночным отношениям, с другой — ускорение научно-технологического прогресса, появление новых технологий (которые изменяют наше понимание жизни и саму жизнь). В рамках этой стратегии разворачивается современная глобализация.

Как оценивать эту стратегию, проблемы и вызовы, которые она породила? Для этого нужен принципиально новый масштаб видения — следует рассматривать современные процессы с точки зрения смены типов цивилизационного развития. В истории человечества, после того как оно преодолело стадию варварства и вступило в стадию цивилизации, существовали два типа развития — это традиционалистские общества и особый техногенный тип цивилизации, которая зародилась в европейском регионе, начиная с эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения. В эти эпохи сформировалась духовная матрица нового типа цивилизации.

Я называю эту цивилизацию техногенной, поскольку в ее основе лежит научно-технологический прогресс, порождающий ускоряющиеся изменения предметного мира, в котором человек живет, изменения системы социальных отношений и человеческих коммуникаций.

Техногенная цивилизация в относительно короткий срок человеческой истории внедрила свои ценности в традиционалистские культуры и перевела многие традиционные общества на путь техногенного развития. Этот переход был связан с процессами модернизации, которые затем переросли в современную глобализацию.

Если рассматривать современные кризисы с этих позиций, то возникает вопрос о базисных ценностях, лежащих в основании техногенной цивилизации, о ее

трансформации и переходе к качественно иному типу цивилизационного развития, что предполагает формирование новых фундаментальных ценностей. Или это произойдет, или кризисы будут нарастать и завершаться потерей цивилизационных завоеваний, и даже гибелью человечества.

Современные стратегии глобализации, реализуемые экономически развитыми странами Запада, прежде всего США, основаны на пролонгации уже сложившихся ценностей техногенного развития, на базе которых в этих странах сформировалось потребительское общество. Оно и провозглашено в качестве идеала, а всеобъемлющие рыночные отношения, регулирующие технологический прогресс, — кардинальным сценарием будущего развития человечества.

Но возникает вопрос о последствиях такой стратегии. Как она соотносится с экологическим и антропологическим кризисом? В данном случае нужно критично отнестись к неолиберальному обоснованию этой стратегии. Да, она повысила качество жизни, обеспечила рост потребления, продлила срок жизни людей, создала новую медицину, современные информационные технологии. Но плата за эти достижения оказалась чрезвычайно высокой — глобальные кризисы в режиме обострения.

Существуют системные основания, которые не позволяют преодолеть глобальные кризисы в рамках неолиберальной стратегии и тактики. Первое основание — это организация экономики. В ее фундаменте (об этом прекрасно написано в книге «Макросдвиг» Эрвина Ласло) лежит принцип, который провозгласил еще в середине XX века американский экономист, глашатай свободного рынка Виктор Лебов: нужно сделать ускоренное потребление образом жизни, покупку и потребление товаров превратить в ритуалы, в главный фактор человеческого самоутверждения, необходимо приучать людей изнашивать, ломать, выбрасывать вещи, заменять их более модными со все возрастающей быстротой. Если экономика будет и дальше развиваться в этом русле, то Эрвин Ласло прав — это путь к экологической катастрофе.

Второе основание — это судьбы человека в рамках всеобъемлющих рыночных отношений. Человек предстает здесь прежде всего как производитель и потребитель товаров и услуг, как объект производства и потребления. Такое отношение к человеку приводит к тому, что все человеческие качества и все продукты его деятельности рассматриваются с монетарных позиций и подлежат монетарному измерению. Здесь уместно вспомнить слова Маркса, который, критикуя капитализм, видел его главный изъян именно в превращении человека в товарно-денежный объект. Как отмечал Маркс, в нормальном человеческом обществе за ум надо платить умом, за дружбу — дружбой, за любовь — любовью, а в капиталистическом обществе, где все человеческие качества становятся товаром, можно, имея деньги, платить за ум деньгами, за дружбу — деньгами и за любовь — тоже деньгами. Но тогда человек, который относится к другому как к монетарно исчисляемой совокупности качеств, сам лишается подлинно человеческих качеств, становится, как подчер-

кивал Г. Маркузе, «одномерным человеком». Современный антропологический кризис в его многочисленных проявлениях порожден доминирующими отношениями к человеку как к капиталу и товару.

Перед человечеством сейчас стоит серьезная задача преодолеть многочисленные проявления антропологического кризиса. Новые технологии открывают невиданные возможности изменения человека, его биологии, усиления тех или иных человеческих качеств, но здесь возникают риски и угрозы, которые могут нивелировать человека и человечество. В расширенном тексте моего доклада, который размещен на сайте Лихачевских чтений, обозначено несколько реальных сценариев и новых аспектов антропологического кризиса, которые могут привести к такого рода катастрофическим последствиям. Напомню слова великого советского и российского поэта Андрея Вознесенского: «Мир — не хлам для аукциона. Я — Андрей, а не имярек. Все прогрессы — реакционны, если рухнет человек».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Вознесенский — Почетный доктор СПбГУП.

Мы получили большое количество приветствий, телеграмм в адрес Лихачевских чтений. Хочу зачитать несколько выдержек из поздравлений. Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев отмечает: «Наступает понимание того, что политика мультикультурализма, которую активно продвигали на Западе, зашла в тупик. Глобализация, считавшаяся естественным процессом взаимодействия народов и государств, высветила противоречия между разными культурами и цивилизациями. Сегодня все громче заявляет о себе идея интеркультурализма, где ставка делается не только на культуру, но и на другие сферы — рынок труда, образование, гражданскую ответственность людей разных национальностей и вероисповеданий за свою страну и планету, будущее своих детей. Об этом и многом другом, что вмещает в себя понятие “диалог культур”, вам и предстоит поговорить на нынешней встрече».

Фрагмент приветствия президента Российской академии наук академика В. Е. Фортова: «...трудно переоценить значение вашего научного форума, посвященного актуальнейшей проблеме современных глобальных вызовов и защите национальных интересов. Желаю всем участникам XVI Лихачевских чтений плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений, новых научных открытий на благо России».

Позволю себе сделать одно небольшое замечание. Периоды благополучного развития мировых событий чередуются с периодами необычайных обострений международной жизни. В периоды таких осложнений особое значение в мировой политике, диалоге культур приобретают личности, которые смело отстаивают принципы диалога и сотрудничества.

В 1980 году, в преддверии Олимпийских игр, когда наш Университет готовился принять в студенческой гостинице посланцев со всего мира, московской Олимпиаде был объявлен бойкот. Маргарет Тэтчер посоветовала британским спортсменам не выступать

на Олимпиаде. Но один молодой человек, капитан команды по гребле, решил послушаться, и вся его восьмерка приехала и выиграла серебряную медаль.

Человек, который побудил своих товарищей в 1980 году приехать в Москву, сегодня здесь — это член палаты лордов парламента Великобритании Колин Мойнихен. Кстати, госпожа Тэтчер после этого поступка пригласила господина Мойнихена занять пост министра в своем правительстве.

К. МОЙНИХЕН: — Олимпийские игры 1980 года в Москве стали впечатляющим событием, учитывая перемены, которые происходили в обществе. Когда я прекратил свою деятельность в качестве министра в правительстве Великобритании (сначала у Маргарет Тэтчер, а затем у Джона Мейджора), наступило очень интересное время. В 1991 году закончилась советская эпоха (это геостратегически когда-то прогнозировал Фукуяма). Президент Буш предложил концепцию нового мирового устройства. На мой взгляд, эту глобальную среду можно было бы назвать не новым мировым порядком, а новым мировым беспорядком. Потому что мы сейчас вернулись к временам нестабильности, о чем свидетельствуют события на Украине, Ближнем Востоке, в Африке. Через 70 лет после окончания Второй мировой войны мы видим, что мир становится неуправляемым, постоянно происходят акты насилия, наблюдается эскалация конфликтов. Причины этого — глобализация, участие мировых СМИ и использование цифровых технологий. Даже если мировая ситуация не была бы такой и не породила столько вызовов, настало время (и данная конференция подчеркивает эту необходимость) решения существующих проблем, связанных с джихадизмом, терроризмом, кибератаками, массовой иммиграцией, изменением климата, глобальными эпидемиями, пандемиями, коррупцией, распространением ядерного оружия (этот перечень можно продолжить).

Выступления, которые мы сегодня услышали, характеризуют ситуацию на Ближнем Востоке. В мире происходят перемены. Глобальные угрозы требуют глобальных решений. Часто мы не можем найти решения этих проблем. Несмотря на свой мандат, ООН слишком часто не может помочь миру увидеть реальные проблемы. В итоге мир становится все более хрупким.

Существуют разные потребности, которые необходимо удовлетворять. И национальное самоопределение имеет чрезвычайно важную роль. Конфликты в Иране, Сирии, Северной Корее, на Украине не могут быть решены без участия России. Роль России в мировой дипломатии чрезвычайно высока. Новый западный прагматизм основан на нейтрализации фундаментальной позиции России. Но ООН не верит в такой подход. Первые признаки этого мы наблюдаем в Сирии. Обеспечение мира там связано с огромными трудностями. Если общими усилиями мы достигнем компромисса, то сможем добиться цели, которая в свое время была поставлена ООН, рассчитывающей в 1945 году помочь человечеству решить все проблемы, возникшие в связи с мировой войной.

И в заключение хочу отметить момент, связанный с той работой, которую мы проводим на конференции, посвященной современным вызовам и национальным интересам. Если говорить о вызовах со стороны международного терроризма, то у нас будет гораздо больше шансов на успех, если мы вместе (с участием России) будем решать проблемы, связанные с ИГИЛ и угрозами терроризма. Идеологические защитники этого международного движения стремятся к тому, чтобы породить беспорядки во всем мире. Неуправляемое мировое пространство часто формируется вследствие политики, которую проводят западные страны, в частности можно назвать авиационные бомбардировки Ливии, когда погиб Каддафи. Такая политика дает возможность для распространения глобального джихада в ближайшие десятилетия.

Также важно, что сейчас увеличивается молодое население. Так, 50 % населения Саудовской Аравии (так же как и в Египте и др.) — это молодые люди. Обсуждение этих проблем с молодежью (в том числе на Лихачевских чтениях) важно для решения вышеназванных вопросов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну академика А. Д. Некипелова, выдающегося экономиста, человека, которому российская наука обязана отстаиванием своих интересов, своей высокой миссии на протяжении длительного периода, когда он был вице-президентом Российской академии наук.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Я всегда с огромным удовольствием принимаю участие в работе Лихачевских чтений, потому что считаю, что это удивительная площадка, где собираются представители всех общественных наук, люди, которые активно действуют в политике, экономике, культуре. Мне, как экономисту, это важно, потому что позволяет преодолеть те разделительные линии, которые естественным образом возникают, когда мы непосредственно занимаемся своим делом — исследуем экономику, занимаемся анализом культурных ценностей, изучаем историю, международные отношения.

Мне кажется, что удобная позиция разделения социума на политическую, экономическую и культурную сферы является чрезмерным упрощением. При таком разделении никто, конечно, не отрицает взаимосвязей, существующих между этими областями, но на самом деле речь должна идти о взглядах на единый социум, но под различными углами зрения.

Распространено представление о том, что экономика — это рынок, особенно сейчас, когда рыночная система стала универсальной и охватила весь земной шар. Одновременно стало привычным говорить о вмешательстве политики в экономику, а потому приходится сталкиваться с рассуждениями такого рода: экономически ясно, как надо было бы поступить, но не очень понятные, особенно для экономистов, политические соображения приводят к принятию решений, далеких от экономического идеала. Это большая ошибка. Рынок — необыкновенно мощный инструмент. Приходится только удивляться, каким образом этот инструмент

координирует деятельность колоссального количества людей и почему в ситуации, когда отдельные люди, предприятия, фирмы самостоятельно принимают решения, результатом является не хаос, а более или менее скоординированное развитие огромной современной экономики.

Но рынок — не всемогущий инструмент, потому что он согласует только часть интересов человека, часть его предпочтений. Речь идет, если пользоваться определением Адама Смита, о предпочтениях «экономического человека». Эту задачу рынок решает достаточно успешно.

Но каждого из нас в большей или меньшей мере интересуют и другие проблемы, помимо удовлетворения узкоэгоистических интересов. Нам безразличны и состояние социума — дифференциация доходов, состояние окружающей среды, и те ценностные предпочтения, которые в этом социуме преобладают. Эту часть наших предпочтений рынок выявить не может, и данную проблему приходится решать иными путями. Но поскольку она связана с распределением ресурсов, то есть с тем, чем занимается экономическая наука, то, с моей точки зрения, чрезмерным упрощением является выведение проблематики за рамки экономики.

В экономической теории есть загадочная проблема (минимум три Нобелевские премии были присуждены за ее разработку, но до сих пор она остается неразрешенной), касающаяся социального выбора. Для того чтобы определить социально лучшие решения, приходится договариваться о том, какого рода процедуры при этом будут использоваться. Мы в некотором смысле попадаем в тавтологическую ловушку, когда для того, чтобы договориться, найти форму согласования интересов, нужно предварительно согласовать, каким образом мы будем это делать. Эта проблема, с одной стороны, создает большой логический дискомфорт, а с другой — позволяет объяснить многие вещи, которые происходят, когда те или иные социумы вначале формируются, потом распадаются и т. д.

Эта проблема имеет отношение и к современной мировой обстановке. Мы находимся в ситуации, когда сами «правила игры» поставлены под вопрос, идут взаимные обвинения в несоблюдении международного права всеми сторонами. У каждого своя правда, но задача останется неразрешимой, если не удастся спокойно заняться согласованием правил международного общежития в тех пунктах, где возникли очевидные различия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Прежде всего, помимо поздравления и приветствия от президента РАН В. Е. Фортова, хочу поприветствовать вас от имени того отделения Российской академии наук, членом которого состоял всю свою жизнь, будучи академиком, Дмитрий Сергеевич Лихачев. Это бывшее Отделение литературы и языка, а последние 13 лет — Отделение историко-филологических наук, академиком-секретарем которого

го я являюсь. Такое отделение существовало и в Петербургской Императорской академии наук.

В настоящее время отмечается усложнение феномена общества на уровне как личности, так и коллективов, социальных коалиций людей. И порой непонимание этой сложности (отсюда некачественное управление такими сообществами, прежде всего государственными, политиями) приводит к различным кастрофическим реакциям или изоляционизму. Идут поиски преодоления этой ситуации, о чем сегодня говорил академик Степин.

Но при всех наших рассуждениях о том, что нас ждет в будущем, на горизонте человеческой эволюции пока нет ничего более оптимального, чем то, что придумало человечество с точки зрения создания человеческих коллективов, — это государство. Прежде всего имеется в виду National state, то есть национальное государство, каковым является Российская Федерация. Государства владеют всей нашей ойкуменой, за исключением, может быть, Антарктиды, части Арктики.

Нужно думать о том, как улучшить управление. Здесь возможны разные варианты. Можно положить в основу этнический или религиозный принцип: каждой этнической общности по государству. Но есть понимание того, что каждой страной, регионом и миром в целом накоплен опыт, как жить, существовать и развиваться большим государствам, к каковым относится и Россия. Возможны разные системы государственного устройства, прежде всего федерализм и культурно чувствительная политика, допустим, официальное двуязычие или многоязычие. Те общества, которые не признают этого, не хотят организовывать жизнь более сложно и чувствительно по отношению к налогоплательщикам. Власть по-прежнему настаивает на том, что она должна говорить на одном языке, а налогоплательщики говорят на разных, хотя должно быть наоборот — власть должна говорить на языке налогоплательщиков. Такие общества будут иметь серьезные конфликты.

Поэтому национальные государства — это не монокультурные государства, а сложные многоэтнические сообщества. Сегодняшние нации — это не просто жесткий, культурно очерченный тип, а культурная сложность всех современных наций. Сегодня нет наций, которые говорили бы только на одном языке и члены которой молились бы только одному богу.

Помимо сохранения и улучшения правления в государствах, возникает вопрос о качестве управляющей элиты. Для нашей страны этот вопрос очень актуален. В связи с разными процессами поколенческой смены в стране и изменениями от экономики до идеологии, не очень качественной системой образования, уже породившей учеников не очень грамотных профессоров, мы наблюдаем деградацию качества управленческой элиты (начиная с научной интеллигенции и заканчивая политической элитой, управленцами). Это очень сложный вопрос, который нужно разрабатывать.

Другой вопрос связан с воздействием различных механизмов или систем субъективных предписаний, с тем, что я называю индоктринацией. Мы никогда не жили в такой ситуации, когда в течение буквально нескольких недель на уровне всей страны или народа резко ме-

нялись настроения. Отношения России с Украиной показывают, что поменять такие настроения с достаточно доброжелательных, позитивных среди значительной части населения на враждебные и тем самым вызвать серьезный конфликт, сегодня несложно. Для этого применяются разные механизмы, начиная с телевизионных ток-шоу, вещающих с утра до вечера, и заканчивая сетевыми информационными сообществами и др.

Индоктринация и рекрутирование в пользу таких порой упрощенных идеологий — серьезный вызов, о котором нам нужно думать и которому нужно что-то противопоставить. Кстати, последнее наблюдение, связанное с «Евровидением», показало, что манипулирование со стороны элит не всегда влияет на массовые настроения. По результатам голосования видно, что в настроениях сохраняется нечто фундаментальное.

Проблему индоктринации следует исследовать, потому что отсюда вытекает третья проблема — экстремизм, включая терроризм. Экстремистские радикальные идеологии и практики понять сегодня непросто. Мы долгое время связывали их с социальной деградацией или насилием, пережитыми историческими травмами. Это действительно имеет место и порой используется как оправдательный аргумент того, для чего люди становятся живыми бомбами. Как паренек из деревни, иногда будучи студентом МГУ, совершает этот путь в разряд живых бомб, людей, которые готовы отдать свою жизнь, — этот процесс нами не осознается. Эта проблема отношений или связи якобы служения святому и большому делу — важный момент, который не оправдывается социальными, историческими, биологическими и даже религиозными аргументами.

Нам нужно исследовать вопрос, откуда берутся большие проекты, которые привлекают людей, особенно молодых, имеющих небольшой жизненный опыт. Эта опасность упрощенных проектов, я их иногда называю большими или освободительными (будь то священная война или война за освобождение своего народа, собственное государство, суверенитет), для нас нова. Совместными усилиями мы — Российской академия наук и национальные академии наук — создали новый проект по изучению феномена, корней и природы современного терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Посла Ирана в Российской Федерации господина Санаи.

М. САНАИ¹: — Несколько слов по теме конференции — о глобальных вызовах и национальных интересах. В настоящее время возникли серьезные вызовы в международном масштабе, потому что размыты границы между национальными и глобальными интересами, потому что были нарушены международные нормы и международное право. Проблема определения гра-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

ниц между национальными интересами, международным правом и международными нормами существовала всегда. Может быть, именно международное право играло решающую роль и в течение десятков лет помогло соблюдать порядок в мире.

Но процесс глобализации развивался не вполне удачно и проявил себя не как процесс, а как проект, который затронул национальные интересы других стран и нарушил международные нормы и международное право. Может быть, самый серьезный этап глобализации как проекта — стандарты, которые были заявлены западными странами в течение последних лет. Когда страны увидели, что не определены границы международных глобальных и национальных интересов, они начали укреплять свои позиции, что породило новые серьезные вызовы в международном и глобальном масштабе.

Одна из важных задач — определить границы национальных и глобальных интересов. Единственный выход в нынешней ситуации — многополярный мир и диалог. Принципов, опираясь на которые в мире был установлен порядок, уже не существует. Нужен многополярный мир, о чем говорил профессор Амр Муса, изменения на международной арене, в международном масштабе и регионе. Если мы не предусмотрим эти изменения, то их будут диктовать угрозы и разные вызовы.

Я представляю Исламскую Республику Иран. Наша страна обладает древнейшей историей и цивилизацией и выступает за диалог и многополярный мир. Иран в последние годы выступил инициатором теории диалога цивилизаций. Мы с Россией плодотворно сотрудничаем в этом направлении. В последние годы наши взаимоотношения развиваются в разных форматах — и в двухстороннем, и в международном, и по региональным вопросам мы тоже сотрудничаем очень тесно. В этом контексте развиваются наши научные и образовательные контакты. В прошлом году была создана Ассоциация университетов двух стран — Ирана и России, и сотрудничество в этом направлении активно развивается. Между СПбГУП и одним из крупнейших университетов Ирана был подписан договор, в рамках которого мы провели совместную конференцию. Этот диалог развивается и способствует прогрессу международного и глобального диалога и решению различных проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется судьё Конституционного Суда РФ Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Лихачевские чтения — единственная возможность преодолеть пагубные последствия специализации знаний. Общение с коллегами из Академии наук, вне всякого сомнения, приносит большую пользу. Сегодня академик В. С. Степин размышлял о кризисе. Академик А. Д. Некипелов говорил о том, что в мире существует структурный сложный кризис — познавательный. Когда нам нужно пересмотреть основные правила общежития, выработать основные конституциональные правила (то, о чем говорил нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен) — это

и есть ситуация кризиса. Вне всякого сомнения, кризис затронул и международное право. Можно спорить о том, какой это кризис — жесткий или мягкий, можно искать разные определения, но очевидно, что кризис существует.

В латинском языке понятие “res” сделало колоссальную «карьеру». Первоначально оно означало материальную вещь. Потом у Сенеки появилось выражение “res sacra” — «вещь священна» (это уже имело отношение к человеку). У Фомы Аквинского слово “res” уже обозначает общую вещь (закон). Потом появилось выражение “res publica” — тоже общая вещь. Речь Посполитая в Польше с XIV века — это тоже “res publica” на польском языке.

Я вспомнил об изменении значения латинского слова “res”, чтобы сказать, что у современного человечества есть общее достояние, своего рода юридическая вещь — это права человека. Все дело в том, как относиться к этой концепции. Можно говорить о том, что существует некая теология прав человека. Я не разделяю этот подход — стремление обожествить, сакрализовать то, что обожествлять не надо. К правам человека надо относиться предельно рационально. Американские ученые говорят, что надо выводить права человека из области, которая подлежит оценке, подвергается оптимизации, взвешиванию, ссылаясь на то, что это некие платонические формы (как у Платона), не имеющие оценки. Я считаю, что это нерациональный подход.

В плане публичной политики научная идея, по сути теология прав человека, оборачивается абсолютно ненужным и вредным мессианством. И представители юридической элиты США, профессор конституционного права Барак Обама — типичный представитель такого юридического мессианства.

По моему мнению, к правам человека надо относиться совершенно иначе, более рационально. Это значит, что права человека — это достояние всех людей, которые организованы в нации (здесь заключено некое двуединство). Надо понимать, что права человека сохраняют и традиционность (это одна ипостась), и это традиционное начало надо уважать. Мы не должны подвергать идею прав человека предельной универсализации — в этом таятся опасность и главная угроза для мира. Поэтому мы должны бороться за совершенно другую модель.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается господин Азиз, наш гость из Пакистана.

Ш. АЗИЗ: — Нам нужно ответить на возникающие вызовы, форсировав диалог и обсуждения между всеми заинтересованными сторонами. Сегодня ООН не работает так, как должна работать согласно своим положениям. Мы должны найти новую парадигму решения этой проблемы.

Сегодня в мире единство, диалог и обсуждения нужны больше всего и должны цениться превыше всего. Мы видим, как люди и страны выходят из различных альянсов и союзов, — например в Великобритании почти половина жителей ратует за выход из Евро-

союза. Чтобы решить эти проблемы, нужно сформировать больше взаимосвязей между странами. Таким образом мы сможем гарантировать мир. Люди будут по-другому сотрудничать друг с другом, если не будут жить в изоляции. Необходимо постоянное участие людей в решении различных проблем.

Следующий вопрос — нынешняя ситуация с безопасностью. Современная стадия нашего существования связана с терроризмом. Войны завтрашнего дня будут связаны с участниками, которые обязательно являются странами. В мире меняются парадигмы, и негосударственные участники войн используют другие методы. Поэтому традиционные методы борьбы на такой войне не работают. Здесь очень важно трансграничное сотрудничество. Даже когда речь идет о террористах и экстремистах, следует искать выход.

Следующий вопрос — миграция. Это гуманитарный вопрос, но в некоторых случаях миграция служит только прикрытием для того, чтобы проникнуть в определенную страну и спровоцировать там проблемы. Мы должны не только развивать человеческий аспект миграции, но и учитывать проблему терроризма, возникшую в результате человеческих лишений (небольшие доходы, недостаточное обеспечение прав человека, свободы слова и пр.). Необходимо действовать в русле реалистического подхода. Речь идет не просто о борьбе за обеспечение безопасности — мы должны бороться за сердца и умы людей. И в данном случае победить труднее, чем даже в борьбе с террористами. Мы должны осознавать факторы, которые стоят за терроризмом, и находить необходимые средства.

Следующий пункт — геополитические перемены, происходящие в мире. Мир меняется, но многие сейчас отказываются это признавать. Появляются новые силы, новые державы. Сейчас такой державой стал Китай, и мы должны это учитывать. Инициативы, которые реализует Китай, — налаживание экономических взаимоотношений со своими соседями. В частности, Китай обратился к Ирану с предложением предоставить помощь в 65 млн долларов для создания железных дорог, портов, что, несомненно, ведет к расширению сотрудничества.

Еще один вопрос — интернет-технологии, которые сегодня используются, например коммерц-системы Alibaba, Amazon и пр. Новые технологии изменяют динамику современного мира, повышают эффективность работы государства, доходы людей и компаний. Мы должны учитывать эти возможности и рассматривать новые технологии не как угрозу, а как фактор роста и развития.

Следующий вопрос связан с тем, что в мире не хватает лидеров. Сегодня мир страдает от различных дефицитов, например доверия и т. д. Но самый серьезный дефицит — дефицит лидерства. В русле подходов, которые используются при рассмотрении различных вызовов, необходимы мощные инновационные решения. Таким образом, лидерство следует формировать. Мы должны признать, что сегодня изменяется то, что раньше было константами. Нужны люди, которые поведут нацию в правильном направлении. Там, где есть такие лидеры, все хорошо.

Еще один вызов — изменение климата. На конференции по климату в Париже было достигнуто соглашение, которое теперь надо реализовывать. Существуют глобальные проблемы, которые мы должны решать общими усилиями.

Еще один вызов связан с демографией: во многих частях света наблюдается мощный прирост молодежи. Мы должны интегрировать молодежь в жизнь общества.

Также актуален вопрос бедности. В мире 800 млн людей до сих пор страдают от бедности, голода, заболеваний и т. д. Мы должны найти способы борьбы с этими бедствиями. Необходимо дать этим людям возможность развития.

И последний вызов — кибератаки. Для кого-то это образ жизни. Мы становимся жертвами кибератак, которые могут парализовать мир и нашу жизнь. Мы не хотим оказаться в такой ситуации, поэтому нужно исследовать эту проблему и найти выход.

Господин ректор, то, что Вы делаете, очень важно. Я признателен Вам за предоставленную возможность поделиться своими мыслями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — 25 лет прошло с того времени, как закончилась холодная война. Две системы, которые в прошлом были великими, сегодня вновь находятся в противостоянии, и надо подумать о том, как кризис в одной из них может отразиться на другой. Научились ли мы чему-то за прошедшие 25 лет? Похоже, что нет. Государственный долг Соединенных Штатов в настоящее время достиг беспрецедентных размеров, и нет никаких признаков того, что эта проблема решается. Почти три десятилетия мы слышим различные обещания, но не видим реальных действий. В Китае совсем недавно наблюдался экономический бум, сейчас же последовал спад. Цены на ресурсы нестабильны, изменения климата грозят катастрофой. Необходимо искать радикальные решения, поскольку проблемы становятся все более острыми и неотложными.

Мечта о мире и процветании для всех пока не сбылась. Почему? Если та или иная стратегия не имеет успеха, значит, она неверна. Однако если «отделить теологию от догмы», то экономика не является чем-то сложным и непостижимым. Если вы все верно понимаете, то и считать будете правильно. Энергетические ресурсы, от которых мы все зависим, возможно, и не оскудели, но их все труднее добывать, приходится тратить на это все больше сил и капиталов. Чтобы уменьшить выброс углекислого газа в атмосферу, также необходимо вкладывать все больше средств в новые технологии. Надо находить новые способы сокращения выбросов, иначе затраты на борьбу с ними станут неприемлемо высокими. Таким образом, если подсчитать наши возможности, то мы имеем все меньше средств, каналов для инвестиций и потребления. С учетом производственных издержек расходуются очень большие объемы ресурсов.

Когда мы прогнозируем показатели использования ресурсов в будущем, необходимо учитывать, что во многих странах растет численность населения. То есть мы должны либо лучше использовать то, что у нас есть, либо какие-то группы населения лишать доступа к ресурсам. Если мы не будем учитывать этот факт, это обойдется очень дорого. Сегодня мы видим первые итоги реализации стратегии рационального использования ресурсов. В конечном счете это позволит повысить уровень жизни всех людей на планете. Качество жизни зависит также от развитости систем социальной защиты, нормирования и регулирования, от успехов в борьбе с различными злоупотреблениями. Мы должны сокращать затраты на банковскую сферу, но не можем позволить себе урезать финансирование культуры, искусства, образования и т. д. Это вопрос понимания идеи. В моей стране в рамках прагматической и философской традиции, основанной на институциональной экономике, идеи не могут быть экономическими понятиями. Идеями нельзя торговать, это не имущество и не собственность, а предмет диалога и обсуждения. Как здесь уже упоминалось, это “*res publica*” — общественное достояние. В этом и состоит значение Лихачевских чтений, и я рад, что приглашен на эту конференцию уже второй раз.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в наш адрес поступило приветствие от генерального директора ЮНЕСКО госпожи Боковой. С удовольствием цитирую: «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — одно из ведущих образовательных учреждений в России, обучающее и воспитывающее своих студентов в духе лучших российских культурных традиций, активно используя и развивая наследие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Основная задача ЮНЕСКО — охрана культурного наследия человечества. Хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений за приверженность этим целям и идеалам. Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова».

Позвольте также зачитать фрагмент из приветствия министра культуры Российской Федерации господина Мединского: «Желаю всем участникам Чтений плодотворной и эффективной работы, содержательных дискуссий и новых достижений в деле сохранения российской культуры».

Уважаемые коллеги, приглашаю на трибуну Чтений академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, хочу обратить ваше внимание на то, что в Лихачевских чтениях произошло смещение акцентов, отраженное в том числе и в формулировке темы форума. До прошлого года мы в большинстве случаев говорили о глобализации с точки зрения диалога культур, сейчас (уже второй год подряд) — о глобализации в ее соотношении с нациями и национальными интересами. Над этим полезно задуматься. С одной стороны, эта перемена диктуется внутренней логикой Чтений, с другой стороны — глобализация вышла за те пределы, где она была предметом дискуссий, и стала реальностью.

У нас есть более или менее ясное представление о том, каково сегодня де-факто содержание глобализации, какой она должна быть, чтобы отвечать критериям морали и права. В связи с этим на первый план выходит вопрос о субъекте глобализации, о том, кто должен гарантировать ее осуществление. На современном этапе основным является вопрос не о том, что такое глобализация, а о том, кто решает, что такое глобализация, в чем ее содержание. В этом смысле изменение темы наших Чтений является симптоматичным. В качестве такого субъекта выдвигаются нации и национальные интересы.

Формулировка темы — «Глобальные вызовы и национальные интересы» — внутренне противоречива. Понятно, что глобальные вызовы касаются всех людей, в этом и есть их глобальность. Они затрагивают основания самого существования человечества. Наконец, сама глобализация является вызовом — новой стадией общественного развития, с которой нам надо справиться. Что же касается нации (любой) и ее интересов, то это явление локальное, частное. Даже если взять нации-государства, то их насчитывается около двухсот. Можно сказать, что глобальные вызовы сталкиваются с национальными интересами, а национальные интересы встают на пути глобальных вызовов. На мой взгляд, поставленный вопрос надо рассматривать именно в таком ракурсе.

Надо подумать, могут ли нации объединиться в некое целое в ходе дальнейшего развития исторических форм общности и таким образом «подняться» до уровня субъекта глобализации. Я думаю, что это исключено по определению. Нация структурируется таким образом, что, объединяя и сплачивая определенную группу людей, она в то же время отделяет ее от других групп. Свои и чужие (или как минимум другие) — это базовая структура, без которой нация не может существовать. Даже тогда, когда речь идет об очевидных глобальных вызовах, нация подходит к ним с точки зрения собственных интересов.

Один из очевидных примеров — ядерная опасность. Всем понятно, что это одна из глобальных угроз. В Чикаго сделали специальные часы, которые показывают время, отделяющее человечества от потенциальной ядерной войны и гибели, возможно, не только человечества, но и всего живого. Но как подходят к этому нации? Одни обзавелись ядерным оружием, другие мечтают об этом, надеясь таким образом обеспечить свою безопасность. Во всяком случае, дело не идет к тому, чтобы объединенными усилиями избавиться от этой угрозы. Если потепление климата зависит от многих неопределенных факторов, включая научные основания, точность прогнозов и другие, то ядерное оружие — полностью рукотворное зло, это очевидно. И все равно преодолеть его не получается.

Когда мы говорим о возможном субъекте глобализации, рассуждаем о том, может ли человечество стать единым управляемым целым — в виде государства или какой-либо новой наднациональной общности, то на этот вопрос можно взглянуть и с другой точки зрения. Возможно, глобализация обретет адекватного субъекта не через организацию человечества как не-

кой квазигосударственной структуры, а через поведение отдельных индивидов, некие абсолютные императивы, которые могут управлять поведением человека. То есть мы должны подумать над новым уровнем личностного развития, адекватным эпохе глобализации. В этом отношении может быть плодотворной аналогия с биологической эволюцией. Сохранность видов в природе, в том числе и человека, обеспечивается тем, что определенные видовые признаки присущи каждой отдельной особи. Они не существуют отдельно, сами по себе, а являются неотъемлемой частью индивида. Я полагаю, что надо рассматривать именно эту возможность, учитывая и реальный опыт развития, и наши теоретические размышления.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Михаила Викторовича Шмакова.

М. В. ШМАКОВ: — Я хотел бы сформулировать несколько соображений с точки зрения рабочего движения. Если подойти к концепции нынешних Лихачевских чтений формально, то их цель — оценить уровень различных вызовов, стоящих перед современной цивилизацией, и сопоставить их с национальными интересами. То есть в терминологии британского историка и культуролога XX века Арнольда Тойнби — попытаться сформулировать национальные ответы на интернациональные вопросы. Социальный вызов, стоящий перед современной цивилизацией, относительно прост. В 1960-х годах в Западной Европе и США при поддержке государства и существенной части бизнеса сформировалось общество, ориентированное на рост доходов основной части работников, на формирование среднего класса, развитие социальной поддержки. Причиной его появления была прежде всего конкуренция двух глобальных проектов. Однако после разрушения СССР, в середине 1990-х, внезапно выяснилось, что поддерживать жизненный уровень и доходы большинства работников на высоком уровне уже обязательно. С этого момента начались, как мне кажется, два процесса. Во-первых, ускоряющийся процесс глобализации, в частности неограниченное движение капитала и поддержка спекулятивной экономики, а также снижение производственных издержек в развитых странах за счет перемещения производства в страны с низкой заработной платой. Сегодня мы наблюдаем, как финансовый капитал берет верх над производственным. Маркс описывал основное противоречие капитализма как противоречие между трудом и капиталом. Но сегодня появляется и обостряется новое противоречие: между финансовым и производственным капиталом.

Во-вторых, идет процесс демонтажа социального государства, снижения социальных гарантий, которые еще недавно воспринимались как безоговорочное завоевание общества. Во всех странах происходит давление на организации, защищающие работников, прежде всего на профсоюзы. Это наблюдается и в Российской Федерации, хотя нам немного повезло, потому что мы вошли в капитализм «с другого входа». В начале 1990-х годов мы в романтическом порыве, опираясь прежде всего на идеи Международной организации

труда, начали развивать трипартизм, то есть трехстороннее сотрудничество работников, предпринимателей и государства. И создали общегосударственную систему трехсторонних комиссий. Сегодня эта система работает, и она уникальна, больше ни в одной стране мира подобных систем нет. Надо добиваться, чтобы она работала более эффективно, и это возможно, потому что создана необходимая структура.

Оба процесса, о которых я говорю, шли параллельно, ускоряясь и принося своим участникам, в первую очередь транснациональным корпорациям, прибыли, сопоставимые в историческом масштабе с прибылями Испании после покорения империи инков и ацтеков. Однако сейчас, если демонтаж социальных достижений цивилизации еще находится на полпути, то в отношении процесса глобализации его можно считать почти завершенным. На планете ограниченное число стран, жители которых могут быть использованы корпорациями в качестве работников для извлечения прибыли. В момент, когда некоторые транснациональные корпорации начали перевод своего производства из Китая в Африку с целью экономии на зарплате, стало ясно, что снижение издержек не может продолжаться бесконечно. Граница снижения социальных гарантий тоже уже видна. В ряде стран Европы был повышен пенсионный возраст, а, например, в Великобритании были приняты ограничительные законы в отношении профсоюзов, однако счастья в виде роста экономики пока не последовало. Корпорации и государства не знают, на чем еще можно сэкономить.

Между тем мы наблюдаем процесс, требующий осмысления, от которого нельзя отмахнуться, — роботизацию производства. Это ведет к отказу от «живого» труда в реальной экономике, за которым неизбежно последует избыточное предложение на рынке труда. В связи с этим надо обратить внимание на пример Швейцарии, где предлагается каждому гражданину дать основное пособие, а работники станут фрилансерами, то есть будут работать по возможности и по желанию. В качестве ответной реакции нарастают националистические настроения, направленные против стирания границ, призывы отказаться от единой Европы и вернуться к прежней модели закрытых государств. Однако неизвестно, что будет происходить в этих государствах с правами работников и социальными гарантиями. Другая тенденция — попытка заменить открытую глобализацию закрытыми клубами. Я имею в виду экономические договоры о трансатлантическом и трансатлантическом сотрудничестве, которые сейчас пытаются протолкнуть США и ряд других стран. Нет сомнений, что рамки этих договоров развяжут руки транснациональным корпорациям для нового цикла выдавливания прибыли из работников и как экономических субъектов, и как потребителей.

Через недолгое время мы можем столкнуться с совершенно новой конфигурацией экономических отношений, выстроенных в виде вертикально интегрированных компаний — ТНК, выведенных из подчинения национального законодательства, в том числе и трудового и социального. Останется ли у нас в этом случае иллюзия демократических механизмов разре-

шения проблем? Думаю, что останется, потому что с помощью иллюзий легче управлять людьми. России, с одной стороны, проще, поскольку никакие внешние силы не втягивают ее в процесс закрытой глобализации, а с упомянутыми договорами может произойти та же история, что и с ВТО. (Мы вошли в ВТО в тот момент, когда эта структура уже стала бессмысленной.) Кроме того, в социальном смысле Россия движется из другой точки: от безусловных социальных гарантий государства работникам к дискуссионным социальным услугам. Общие социально-экономические тенденции затрагивают весь мир, который из-за алчности корпораций и политических претензий мировых жандармов может снова погрузиться в Темные века. Неслучайно Тойнби формулирует концепцию «вызов–ответ», оперируя в том числе и опытом цивилизаций, путь которых не дал ответов на вызовы, а закончился надломом и упадком. Времени для коллективного ответа на сегодняшние вызовы осталось немного, и нам, как практикам, безусловно, важны выводы, которые будут сделаны по итогам этих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю выступить академика Аскара Акаева.

А. А. АКАЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу продолжить тему противоречий современного капитализма. Великий Карл Маркс был прав, хотя и ошибся в сроках: капитализм ждет неминуемый крах. Поэтому сегодня надо задуматься вот над чем. Мы почти 100 лет назад приступили к строительству социалистического общественного строя, который, к сожалению, к концу XX века потерпел крушение. Но мы оказались не готовы безболезненно перейти на капиталистический путь развития. Поэтому, заглядывая в будущее, давайте подумаем: будем ли мы готовы без катаклизмов перейти к альтернативному общественному строю, который придет на смену современному либеральному капитализму? У меня нет ответа.

Год назад вышла в свет книга «Есть ли будущее у капитализма?», написанная квинтетом выдающихся современных зарубежных социологов во главе с профессорами Валлерстайном и Коллинзом. Они считают, что в мире накапливается все больше объективных причин для грандиозного структурного кризиса, который, по их подсчетам, в конце 2030-х — начале 2040-х годов приведет к краху либерального капитализма. Авторы приводят сильнейшие аргументы, обосновывая реальную возможность крушения мира и экономики, основанной на современных капиталистических принципах. Следует напомнить, что Валлерстайн и Коллинз в 1970-х годах на основе своих теоретических концепций предсказали поражение социализма через 20 лет. Сегодня они же прогнозируют, что через 20 лет грянет гибель капитализма. Интересно, что альтернативы капитализму эти ученые не видят.

В отличие от Валлерстайна и Коллинза, их соавтор Манн считает, что капитализм, в общем, можно усовершенствовать, как мы хотели улучшить социализм, пытаясь построить социализм с человеческим лицом.

А вот еще один соавтор, профессор Калхун, уверен, что лучшей альтернативой капитализма является тот самый госкапитализм, который сегодня строит наш дружественный сосед Китай. Действительно, есть над чем призадуматься, ведь Китай успешно сочетает прогрессивные ценности капитализма и социализма. Думается, разумную альтернативу предложил 55 лет назад великий русский социолог Питирим Сорокин. Он писал, что в будущем человечество не станет развиваться по коммунистической или капиталистической модели, а будет некий интегральный общественный строй, включающий ценности и той и другой системы, то есть произойдет конвергенция их позитивных ценностей. По-моему, Питирим Сорокин был прав.

Учитывая, что сегодня принимают крайнюю остроту проблемы изменения климата и охраны окружающей среды, биосфера находится на грани катастрофы. В связи с этим вспоминается учение русского естествоиспытателя Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере и идея другого выдающегося ученого Никиты Николаевича Моисеева: выживание биосферы можно обеспечить только путем коэволюции человека и природы. Поэтому я полагаю, что альтернативой нынешнего либерального капитализма, крах которого мне тоже представляется несомненным, является интегральный гуманистически-ноосферный общественный строй Питирима Сорокина и Владимира Вернадского. Призываю обратить внимание на эту концепцию, поскольку современные вызовы требуют междисциплинарного анализа и продуманных стратегий.

Каков наш национальный интерес сегодня? Я привел пример Китая, о котором профессор Калхун говорит, что это лучшая альтернатива сегодняшнему либеральному капитализму. Россия, как и Китай, имеет социалистическое прошлое, в котором были созданы ценности, отличные от капиталистических. Поэтому у России есть хороший шанс добиться оптимальной конвергенции прогрессивных ценностей капитализма и социализма и таким образом стать лидером мирового развития в XXI веке.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Действительно, ситуация в мире меняется быстро, многие процессы происходят одновременно. 25 лет назад, когда закончилась холодная война, мы думали, что это конец истории. А теперь считаем, что через 20 лет наступит крах капитализма. На мой взгляд, это слишком радикальный подход, хотя понятно, что через 20 лет мир будет совсем другим. Ученые-гуманитарии в этом уверены. Я же, как экономист, всегда думаю о международном сотрудничестве. Конечно, у нас слишком много проблем, надо исследовать их причины и искать решения. Экономическая наука не имела бы большой ценности, если бы не могла объяснять происходящие процессы и подсказывать решения на будущее. Поэтому она не только описывает и объясняет причины нынешнего экономического кризиса — почему случилось так, что 25 лет назад, когда распался СССР, ВВП России был в два раза больше,

чем у Китая, а сегодня у Китая ВВП в шесть раз больше российского, — но и в состоянии предсказать, как это отразится на будущем.

Я рассматриваю будущее в двух измерениях. Конечно, будущее неотвратимо настанет, хотим мы этого или нет. Объективные процессы ведут к тому, что человечество будет единым, а численность населения превысит 9 млрд человек. Представьте себе, что к 2020 году в мире будет не 40 млн беженцев, как сейчас, а может быть, 400 млн — из Ливии, Сирии, Иордании и т. д. Но еще важнее то, что это будущее может и не настать, поскольку многое в мире зависит от результатов президентских выборов в США.

Экономика — не просто научная дисциплина, она должна быть основана на междисциплинарных знаниях. Нам необходимо знать, как связаны между собой экономика и социология, экономика и политика, экономика и технический прогресс, чтобы прогнозировать будущее. Экономисты должны выходить на уровень антропологии, философии и истории — еще и поэтому я высоко ценю Лихачевские чтения, в которых участвую второй раз. Это действительно междисциплинарный форум, где встречаются историки, антропологи, экономисты и другие ученые для того, чтобы обсудить, что и почему происходит в мире, какую политику необходимо разработать, чтобы создать желаемое будущее.

Часто приходится слышать, что в наше время мало лидеров. Но в России есть настоящий лидер — Владимир Путин, в Китае — президент Си Цзиньпин, в Америке на смену Обаме скоро придет новый президент. Во времена глобализации надо заботиться о том, чтобы учитывать национальные интересы. Но еще один важный момент состоит в том, что нет такого политбюро, которое руководило бы глобализацией. Я совершенно уверен, что глобализация — явление необратимое, несмотря на сильную турбулентность, провал «арабской весны», волны беженцев и массу других проблем. В то же время, с точки зрения экономиста, это спонтанный процесс, включающий либерализацию и интеграцию, взаимосвязь между самыми разными рынками для продажи товаров, движения капиталов и рабочей силы. То, что происходит в одном месте, вызывает отголосок в других регионах мира. Существуют определенные конфликты интересов. Если бы их не было, экономисты были бы не нужны. Поэтому вопрос на будущее: как решать проблемы, связанные со смещением акцентов в конфликтах интересов? Подобных проблем очень много, поэтому я до некоторой степени согласен с резкими критическими высказываниями профессора Гэлбрейта. На основе событий, произошедших 5–20 лет назад, мы не можем выстроить путь дальнейшего развития. Как нам двигаться вперед? Здесь опять встает вопрос о политкорректности.

Академик Акаев говорил о Китае, но я думаю, что как нет будущего для неолиберального «вашингтонского консенсуса» (неолиберальная политика в России при Ельцине потерпела неудачу), так нет его и для другого — «пекинского» — консенсуса. Мы должны смотреть дальше этих горизонтов. Я отношусь к сторонникам неопрагматизма. Необходимо рассматри-

вать баланс между экономикой и социальными и экологическими проблемами. Профессор Запесоцкий раздал участникам конференции труды, опубликованные Университетом. Я в свою очередь, пользуясь случаем, вручаю ему мою книгу, которая недавно вышла на русском языке, — «25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматическому росту». Это о нашем будущем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, я очень тронут. Уважаемые коллеги, я предоставляю слово профессору Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ: — В прошлом году я делился с участниками Лихачевских чтений своими взглядами на пять причин глобальной стратегической нестабильности, и сегодня я кратко напомню эти причины и изложу возможные последствия этого явления.

Первой причиной глобальной политической нестабильности стало то, что из-за кризиса, который начался в 2008 году и продолжается до сих пор, мы перестали верить не только в Хайека и Фридмана, но и в Кейнса. Мы не доверяем ни рынку, ни государству как регулятору экономических отношений. Об этом говорил Хаджун Чанг, профессор из Кембриджа. Второй пункт: мы видим, что правительства едва справляются с проблемами на всех фронтах и испытывают дефицит власти для реализации своей политики, потому что им приходится оперировать локальными инструментами в условиях глобальной взаимозависимости. Об этом писал известный макросоциолог Зигмунт Бауман. Третий пункт. Я цитировал известного французского политолога Мойзеса Наима, который сказал, что завоевать власть стало легче, использовать труднее, а потерять — особенно легко. Это третья причина нестабильности. Четвертая заключается в том, что из-за трех предыдущих правительства стремятся вернуть своим государствам суверенитет, усиливая национализм и наращивая военную мощь с целью укрепления безопасности, и всеми силами стараются убедить граждан в том, что кругом враги, — с целью консолидации общества. Так происходит почти по всему миру. Но тут возникает проблема. В процессе усиления суверенитета можно дойти до такого предела, когда «суверенные» элиты отчуждаются от народа, между ними возникает глубокая пропасть. Пятая причина: правящие элиты в принципе выхолостили понятие демократии, так что этот термин потерял первоначальный смысл, и они просто покупают демократию, что сегодня видно хотя бы на примере выборной кампании в Соединенных Штатах Америки.

Каковы следствия перечисленных факторов? Прежде всего это регионализация глобального порядка. Я согласен с профессором Колодко в том, что глобализация будет продолжаться. Но она становится региональной: появляются региональные мегаблоки, которые стараются воздвигать барьеры, одновременно поддерживая хорошие экономические связи с другими мегаэкономическими блоками. Новый мир отрицает объединение, универсальные ценности и универсализм вообще. Новая конкуренция распространяется на уровень ценностей. То есть в мире нет «конкурса» на луч-

шую систему ценностей, а идет борьба за возможность сосуществования нескольких различных моделей развития — европейской, китайской, американской и т. д. Тесная взаимосвязь и одновременно жесткая конкуренция не только не исключаются, а сочетаются и побуждают к сотрудничеству.

Это означает, что мы должны задуматься о том, каким будет новый порядок не с точки зрения многополярности, которая уже наступила и заменила однополярность, а с точки зрения «многопорядка», в котором будут существовать как разные системы ценностей и норм, так и различные мультинациональные экономические блоки. Это первое, очень значимое следствие — мультиценностный мировой порядок.

Второе следствие — тот факт, что увеличивается разрыв между элитами и остальным населением. Растущее неравенство приводит к тому, что все меньше людей имеют выгоды от демократического порядка. По сути, это процесс освобождения элит от общества, начало тирании и того, что я назвал отовариванием демократии. Демократия становится товаром класса люкс, которым будут пользоваться немногие. Это вызывает протестные настроения и появление таких политиков, как Дональд Трамп. Его успех свидетельствует о том, что данное следствие уже воплощается в жизнь.

Третье. В последние 25–30 лет мы пытались решить дилемму: что выбрать — свободу или безопасность. Подразумевалось, что увеличение одного ведет к уменьшению другого. Кому-то хотелось больше свободы, кому-то — больше безопасности. Сейчас у нас такого выбора нет, потому что решение принято за нас: безопасность важнее свободы. Этому выбору способствовали участвовавшие случаи терроризма в мире. Но последствия безопасности, обеспечиваемой в ущерб свободе, — огромные: наступает то, что мы называем секьюритизацией. Секьюритизация охватывает все сферы — политику, экономику, торговлю, возможность миграции и доступ к информации, и это существенно меняет нашу жизнь.

Четвертое следствие тесно связано с третьим: это новое лицо войны. Во всем мире возрастает роль военной мощи — как во внутренней политике, так и в международных отношениях, и не видно предела этому росту. Военная сила наращивается на уровне государств, война становится делом, которым занимаются частные компании. Известно, что в некоторых конфликтах их участие оценивается в 60–70 %, как это было в Ираке незадолго до ухода американцев.

Пятое. Поскольку мир меняется беспрецедентными темпами, многополярность, которая заменила идею универсальности, превращается в то, что я называю мультипорядком. Это означает, что мы будем действовать в рамках макрорегиональных экономических институтов, таких как ТТIP, причем не просто по другим правилам, но по правилам, связанным с культурными и цивилизационными ценностями. Это будущее, в котором нам всем предстоит жить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Послу Азербайджана в Российской Федерации Поладу Бюльбюль оглы.

П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы: — Как представитель культуры, я затрону тему национальных интересов в контексте современных глобальных вызовов на примере культуры Азербайджана. Как известно, распад Советского Союза и мировой системы социализма стал поводом для выдвижения на новом историческом этапе идеи конца истории, сформулированной в виде своего рода манифеста в известной одноименной статье американского исследователя Фрэнсиса Фукуямы. Однако за прошедшие 25 лет многочисленные научные критики, да и сама жизнь как основной критерий истинности любых теорий, доказали поспешность сделанных заключений. Другой довольно часто упоминаемой концепцией объяснения мира в эпоху после холодной войны стала наиболее четко структурированная Сэмюэлем Хантингтоном модель столкновения цивилизаций. Рассматривая, в отличие от идей конца истории в его либеральном толковании, различные альтернативы развития, эта парадигма создавала условия для многополярного понимания мира. Анализируя протекающие в мире процессы, необходимо брать в расчет то, что ни одна из общих концепций не в состоянии дать универсального объяснения из-за присущих им объективных ограничений и невозможности учета всех факторов. Всегда найдутся случаи, не вписывающиеся в старательно выстраиваемые схемы. Азербайджан как раз и является тем ярким примером, который сложно адекватно проанализировать, опираясь на любую из указанных моделей.

Анализируя долгий исторический путь, пройденный Азербайджаном, можно определить, что по своему геополитическому положению страна всегда находилась на стыке цивилизаций и ощущала сильное воздействие как Запада, так и Востока. В начале первого тысячелетия нашей эры Азербайджан оказался под воздействием различных культур и религий. Именно в результате этого в нашей стране исторически возникла среда высокой толерантности, терпимости в отношении к разным религиям. На формирование нашей богатой культуры на всех этапах, безусловно, оказали воздействие как зороастризм, иудаизм, христианство, так и ислам. Находясь на пересечении караванных путей, Азербайджан, являющийся одним из важных центров Великого шелкового пути, ощущал воздействие различных политических взглядов, экономических отношений и форм государственности.

Важным этапом в развитии истории Азербайджана является период 1918–1920 годов, когда существовала Азербайджанская демократическая республика — первая республика в мусульманском мире. Хотя она просуществовала всего 23 месяца, осуществленные в ней государственные преобразования, прежде всего в области обеспечения политических прав и свобод, впечатляют. Так, в Азербайджане было провозглашено светское государство, в котором гарантировалось равноправие граждан независимо от их религиозной и этнической принадлежности, социального происхождения. В стране было установлено всеобщее избирательное право, в том числе и для женщин, чего в тот момент не было даже во многих западных странах. А в парламенте, включающем 11 фракций, были представлены

все этнические группы и общины, составляющие население страны. Таким образом, недолгое существование той республики стало ценнейшим опытом построения светской демократической национальной государственности.

Третьим этапом политической истории Азербайджана в XX веке стал советский период (1920–1991). Безусловно, в качестве союзной республики Азербайджан был участником всех как позитивных, так и негативных процессов, которые протекали в Советском Союзе. В результате репрессий оказалась уничтожена значительная часть национальной интеллигенции, более 50 тыс. человек были расстреляны, более 100 тыс. оказались в ссылке в Сибири и Казахстане. Во время Великой Отечественной войны свыше 600 тыс. жителей Азербайджана отправились на фронт, из них более 300 тыс. человек не вернулись. Баку обеспечивал фронт нефтью, почти 90 % нефтепродуктов шли из Азербайджана. В послевоенный период в Азербайджане началось бурное развитие экономики, культуры, науки.

Но самым большим достижением нашего народа в XX столетии можно считать создание независимого государства. Азербайджан, восстановивший свою независимость, сумел создать прочную основу для формирования демократического правового светского государства. Анализируя сегодняшнюю внутреннюю и внешнюю политику государства, проводимую под руководством президента Ильхама Алиева, а также социально-экономические и культурно-идеологические процессы, определяющие облик сегодняшнего азербайджанского общества, приходишь к заключениям, которые могут быть интересны не только для нашей страны, но и для типологической характеристики изменений, происходящих на значительно более широких пространствах.

На примере Азербайджана со всей очевидностью предстает огромная ценность, которую имеет суверенная национальная государственность в глазах народа, рассматривающего ее как свое основное историческое достижение на протяжении двух последних веков. Именно национальное государство осознается создавшим его народом наиболее эффективным инструментом в отстаивании собственных интересов в это сложное время, полное различных рисков и опасностей в современном мире. Азербайджанская идентичность, как было отмечено, сформировалась на путях взаимодействия и взаимообогащения Востока и Запада, Севера и Юга. Она органически вобрала в себя и творчески преобразовала в гармоническом симбиозе элементы различных цивилизаций и традиций, а следовательно, неслучайно в современном Азербайджане попытки противопоставления, столкновения религий, наций, культур воспринимаются не только как подрывающие глобальную стабильность, но и как нацеленные на расшатывание многовековых устоев собственной идентичности.

Азербайджан оказался вовлечен в процесс гармонизации культурного и цивилизационного климата по наиболее актуальным в современной мировой повестке дня линиям искусственно провоцируемых разломов — Восток–Запад, ислам–христианство. Ны-

нешний год у нас объявлен годом мультикультурализма. В современных условиях, когда в ряде стран стали говорить о фиаско мультикультурализма, решительная и принципиальная позиция Азербайджана по его пропаганде в глобальном масштабе не может не представлять интерес и обладает большим значением с точки зрения перспектив международного мира и стабильности. Это делается ради преодоления разломов между Востоком и Западом, ради гармоничного сближения народов, через доверительное взаимодействие и общение во имя достижения общего блага грядущих поколений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А сейчас несколько слов скажет удивительный человек, необычайно важный для всех нас. Это писатель Даниил Александрович Гранин.

Д. А. ГРАНИН¹: — Все, что я услышал сегодня здесь, интересно и не вызывает никаких возражений. Для меня основная проблема, которая все больше обостряется, — противоречие между человеком и государством. Было бы хорошо, если бы государства было меньше, а человека больше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Даниил Александрович. Приглашаю на трибуну человека, с которым по ряду позиций мы имеем разные мнения, но по большинству вопросов современной жизни России все же придерживаемся одной и той же точки зрения. Ученый, правозащитник, один из самых знаменитых адвокатов в нашей стране, публицист Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Прежде всего хочу сделать заявление: я буду выступать как патриот. Патриотизм — это понятие, к которому я отношусь скорее положительно, чем отрицательно. В каком смысле? Из двух составляющих темы наших Чтений я сосредоточусь на национальных интересах. Считаю, что первейший национальный интерес — разобраться в своей истории.

Что сейчас происходит в российской внешней политике? Политическое противостояние, некоторый антизападный тренд, транслируемый по нашим телеканалам. В этом нет ничего необычного, политическое и экономическое противостояние — это нормально, такое возникает периодически между разными странами. Но беспокоит то, что оно переходит в противостояние

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Священный дар», «Интеллегенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др. Член Общественной палаты РФ. Лауреат Государственных премий СССР и России, премий Президента РФ в области литературы и искусства, Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Почетный доктор СПбГУ.

ценностное. Даниил Александрович одной фразой выразил то, ради чего я поднялся на трибуну. Есть ценности, которые существуют в каждой культуре, — человек, общество и государство. Проблема состоит в том, как выстроить их иерархию. Мы только что выслушали страстную речь о колоссальных достижениях Советского Союза, и я могу с этим согласиться, но испытываю при этом чувство ужаса, потому что весь мир в XX веке вздрогнул, увидев, сколь эффективен может быть преступный тоталитарный режим. А советский режим был преступным изначально. Напомню, с чего начали большевики: разогнали Учредительное собрание. Не получив большинства при голосовании, они развязали гражданскую войну. Слава богу, что города перестали называть именами двух величайших преступников всех времен и народов — Владимира Ленина и Иосифа Сталина.

Каким образом были достигнуты успехи СССР? За счет уничтожения свободы, превращения всего населения в крепостных государства. Чему нас может научить пример Китая? Какой государственный капитализм? У нас был государственный капитализм в чистом виде, потому что это был никакой не социализм. Всякая экономика включает две составляющие — капитал и рабочую силу. В те годы в России был избыток дешевого труда (85 % населения страны были крестьянами), а капитала не было. Преступный режим не может привлекать капитал из-за рубежа, потому что он противопоставил себя всему миру. Какие ценности провозглашались? Победа коммунизма во всем мире, перманентная революция и пр. Сталин сообразил, что государство надо спасать — именно с тем преступным режимом, который он возглавлял. Сейчас у всех на виду восточный вариант СССР — Северная Корея. Никаких свобод, люди мрут, зато есть атомная бомба, проводятся ядерные испытания. Подобных чудес нашей стране уже не выдержать.

Ценностное противостояние с Западом — катастрофа для России. Сейчас вновь стало модно говорить об особом пути России, но этот путь ведет к гибели. Слово «либерализм» стало ругательным. Но разве либералы выступают против закона? Все эти ценности записаны в Конституции. Естественно, все системы эволюционируют, но до сих пор не придумано ничего лучше того, что сделано на Западе с точки зрения развития экономики, взаимоотношений гражданина и государства, и все это закреплено в международных правовых актах.

На свете есть режимы, где государство — главная ценность. Академик Степин зачитал нам текст Маркса, одну из его публицистических статей. Маркс, конечно, был выдающийся публицист. Когда в советские времена я читал лекции в вузе и хотел что-то противопоставить «режиму социалистической законности», то говорил студентам: «Почитайте молодого Маркса». Тем не менее не все хлесткое в публицистике соответствует действительности.

Маркс не был капиталистом. Капиталистом был Энгельс, и Маркс жил на его деньги. Почему-то ему не нравились деньги. У людей, которые не зарабатывают и живут на чужие средства, часто возникает такой

комплекс. И вот академик Степин привел слова Маркса о том, что за деньги можно купить дружбу, любовь и идеи. Рискну поспорить. Дружба не продается. Можно купить преданность, но искреннее чувство дружбы — нет. Можно купить секс, но не любовь. А вот идеи, ум, как утверждал Маркс, — это купить можно. Здесь говорилось о том, что идея — не материальная субстанция и не является товаром, но, извините, это смотря что за идея. В титрах к американским фильмам пишут: «Автор идеи — такой-то».

Завершу цитатой из Губермана: «Мне Маркса жаль: его наследство свалилось в русскую купель. Здесь цель оправдывала средство...» Давайте менять воду в этой купели. Это не получилось сразу, да и невозможно было — слишком далеко страна зашла за 70 лет. Но можно для начала хотя бы не говорить о том, что у нас есть преемственность с преступным тоталитарным режимом. Думаю, что если двигаться в этом направлении, то через какое-то время из нашей жизни уйдет и тот гимн, который был гимном тоталитарной державы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Для Лихачевских чтений чрезвычайно важен дух открытости и интерес к различным точкам зрения, в том числе и не совпадающим с нашими. В этом смысле мы приветствуем разномыслие. В данном случае я буду оппонировать Резнику. Его выступление оказалось провокационным — исключительно в научном смысле. Генри Маркович затронул сложнейшую проблему. Неслучайно он вначале сделал ремарку: «Я патриот». Дело в том, что сторонники либеральной идеи в России сегодня оказались в положении ненамного лучше, чем сторонники коммунистической идеи 25 лет назад. Тогда все удивлялись, когда я, став ректором, не выгонял сотрудников-коммунистов. Но они были прекрасными преподавателями, политическую деятельность внутри Университета не вели, а взгляды — что взгляды? Любой человек имеет право на свое мировоззрение, не запрещенное законом.

Вообще я считаю, что и либеральная идея, и социалистическая — важнейшие достижения цивилизации. Но почему я хочу возразить Генри Марковичу? Он сам считает, что в жизни надо избегать крайностей, чрезвычайно важно иметь чувство меры. Но сегодня он построил свое выступление на одной из крайностей, хотя на самом деле его взгляды намного шире. Беда в том, что Россия никак не перестанет быть страной крайностей, и мы продолжаем ожесточенно спорить друг с другом.

Сегодня мы услышали много интересных выступлений на экономические темы. Я с огромным интересом слушал и польского коллегу Гжегожа Колодко, и Аскара Акаевича, и американского экономиста Джеймса Гэлбрейта. Говорили о том, что современная модель капитализма испытывает кризис. Безусловно, у капитализма есть будущее, но на смену нынешней модели скорее всего придет другая. Наверное, и у социализма есть будущее, хотя мы это отрицали, уничтожая социализм в нашей стране. Видимо, воплотится теория конвергенции. Для меня это одна из самых интересных тем в Лихачевских чтениях.

Все страны берут от социализма и от капитализма то, что находят лучшим для себя. Но это не означает, что лучшее — одно и то же для всех. Необходимо учитывать национальные культуры и другие условия в каждой стране. Для Китая оптимальными становятся одни решения, для США — другие, для России — третьи. Это не означает, что у нас исключительный путь, внепланетный. Естественно, мы имеем много общего с другими, конечно, надо изучать и анализировать чужой опыт и вдумчиво применять его. Но трагедия современного либерализма в России заключается в том, что многие из тех, кто называет себя либералом, понимают его поверхностно, для них это означает полностью копировать, скажем, те же Соединенные Штаты.

В чем я не согласен с Резником? Возможно, я неправильно понял, но мне показалось, что Генри Маркович считает лучшей именно американскую модель. Да, в США развитая демократия и очень сильная экономика. Но тем тревожнее от того, что там сейчас происходит. Мы видим, что именно США зашли в тупик. Часто говорят, что американцы переживают кризис и пойдут дальше, это циклические колебания. Нет, не переживут. Это кризис глубочайший, пронизывающий все Соединенные Штаты. Верно говорит Петр Дуткевич: в США действительно идет торговля демократией с помощью мощных манипулятивных механизмов. Это не народное волеизъявление, не та демократия, которую мы себе представляли, когда впервые после свержения коммунистического режима избирали Думу и региональные органы власти. В итоге мы получили совсем не то, что предполагали, и теперь не верим, что западная демократия может служить для нас образцом.

В России беда либерализма в том, что те, кто считает себя либералами, ведут себя непатриотично. Я понимаю, Генри Маркович, почему Вы так настаиваете на том, что Вы патриот, но мы и так в этом не сомневаемся. Мы для того здесь и собираемся, чтобы вместе искать пути выхода из той сложной ситуации, в которой находится и Россия, и мировое сообщество. Большое спасибо за Ваше выступление, и давайте продолжать спорить друг с другом, проявляя взаимное уважение и интерес к мнениям, отличным от наших.

А сейчас приглашаю на трибуну профессора Петра Петровича Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Уважаемые коллеги, моя тема — глобализация и национальные интересы Украины. В то время, когда рушился Советский Союз, мне довелось беседовать с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, и он говорил в своей обычной спокойной манере: «Что поделаешь, Петр Петрович, раз так произошло — пусть все уходит. Но три славянских народа должны быть вместе». Не получилось. Мне тоже думалось тогда, что глобализация и евроинтеграция не смогут разорвать нашу общевосточнославянскую общность. Теперь в этом есть большие сомнения. Оказалось, что объединенной Европе не нужна Украина, помнящая свое родство с Россией, а тем более сохраняющая с ней дружественные отношения. В связи с этим

предпринимаются попытки переформатировать историческую память украинцев, показать их исконную связь не с русскими, а с европейцами.

В новых учебниках по истории Украины Киевская Русь — не колыбель трех братских народов, а украинское государство. Во времена Богдана Хмельницкого Украина не добровольно вошла в состав России, а была насильно присоединена ею. Социализм на Украину принесли на штыках банды Муравьева, а Великая Отечественная война — и не отечественная, и не великая. И так, практически, до сегодняшнего дня. Академик Тишков показал, что при помощи новых технологий можно переформатировать любое сознание. Сегодня это происходит на Украине. Не думаю, что евроинтеграция стоит таких жертв. При таком подходе меняется естественный ход истории, из восточнославянского контекста исключается целый народ, целая страна одновременно перемещается в совершенно иной цивилизационный контекст, в котором она никогда не была.

Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что уже все украинцы переформатированы. Осталось много таких, которые привержены прежним взглядам на историческое развитие Украины, хотя им и не просто придерживаться своих убеждений. Неожиданно обманутыми оказались и те, кто поверил в европейскую мечту. Оторвав Украину от России, Запад устами своих высокопоставленных чиновников неожиданно заявил, что в ближайшие 20–25 лет Украина не может рассчитывать на членство в ЕС. Спрашивается, зачем надо было тогда устраивать Майдан и государственный переворот?

Гораздо лучше обстоят дела с интеграцией Украины в НАТО. Фактически она уже стала членом этого альянса. На ее территории проводятся натовские военные учения, создаются польско-литовско-украинские воинские подразделения, вооруженные силы Украины переводятся на натовские стандарты, получают западное вооружение и др. По существу, Украина все больше и больше превращается в натовский форпост у границ России.

Принесла ли подобная глобализация Украине пользу? К сожалению, не принесла. До распада Советского Союза население страны составляло 53 млн человек, а Украина, по оценкам авторитетных экономистов, занимала 10-е место в Европе по экономическому развитию. За 25 лет население сократилось до 40 млн, страна опустилась на 100-е место в общемировом рейтинге. Для этого не потребовалось ни войн, ни катастроф. И в чем заключаются национальные интересы Украины? Наверное, стоит задуматься — или модель, которую нам предложила Европа, несовершенна, или мы не готовы к ней.

И последнее. Когда-то в Киевской Руси князья, борющиеся за великий Киевский стол, оправдывали свои действия тем, что они были единого деда внуками. Черниговские Ольговичи заявляли киевским Мономаховичам, что они «не угры, не ляховы, но едино есмь мы деда внуци, и сколько вам до Киева, столько и нам». Очень не хотелось бы, чтобы Киев в Новое время перестал быть символом украинцев, русских и белорусов, которые тоже являются «единого деда внуками». Раз-

рыв их культурно-исторической общности, к чему прикладываются все усилия евроамериканские глобализаторы, представляется противоестественным и безнравственным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону академика Сергея Юрьевича Глазьева.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Дорогие друзья, коль скоро Александр Сергеевич объявил меня советником, должен оговориться, что скажу только то, что думаю лично я. Никакого отношения к официальной политике и позиции Российского государства это не имеет. Начну с темы, которую обоснованно поднял Петр Петрович. Если опуститься на уровень политических и экономических реалий, то Украина сегодня — это оккупированная территория, лишенная суверенитета. Экономический суверенитет передан Брюсселю, политический — Вашингтону. Ни одно руководящее лицо в украинских органах власти не выбирается народом, а по сути назначается американским посольством или согласовывается с Европейской комиссией. Почему это произошло? Попытаюсь кратко описать достаточно сложную тему переходных процессов в нашем обществе.

Современная ситуация характеризуется сразу тремя серьезными сдвигами или структурными кризисами. Первый кризис — технологический: смена технологических укладов. Происходит технологическая революция, старые производственно-технические системы уже не обеспечивают экономического роста. Капитал даже в передовых странах вынужден покидать устаревшее производство, с трудом пробивая дорогу к новым технологиям, и зависает в финансовом секторе, формируя финансовые пузыри. Этот переходный процесс начался, как обычно, с резкого повышения цен на энергоносители и сегодня заканчивается схлопыванием финансовых пузырей и выходом на новый технологический уклад, который растет примерно на 35 % ежегодно в комплексе нано-, биоинженерных, информационно-коммуникационных технологий, вытягивая передовые страны на новую длинную волну роста Кондратьева.

Второй переходный процесс — смена мирохозяйственных укладов. Мирохозяйственные уклады — это система институтов, определяющих воспроизводство экономики и отношения между людьми. Они более инерционны, чем технологические связи, потому что здесь учитываются экономические интересы. Смена мирохозяйственных укладов — это то, что марксисты называли революцией, обосновывая свой закон соответствия производительной силы и производственных отношений. Если формулировать современным языком, то это институциональная революция, когда старые институты больше не обеспечивают нормального воспроизводства экономики. Ведущие страны мира создали нынешний мирохозяйственный уклад, который мы воспринимаем как либеральную глобализацию и в основе которого лежат транснациональные корпорации, а центр экономического развития совпадает с центром эмиссии мировых валют. Именно за счет эмиссии ми-

ровых валют создаются массы фиатных, ничем не обеспеченных денег. Сегодня реализуется экспансия американского, европейского, японского капитала, фактически контролирующего глобальную экономику. Эта экспансия подошла к черте, за которой устойчивость производства больше невозможна.

В основе современной мировой финансовой системы лежат пирамиды государственных и негосударственных долгов. Пирамиды начали рушиться еще в 2007 году, но с тех пор их объем только вырос и ведущие страны мира, эмитенты мировых валют, пытаются латать прорехи безграничной эмиссией денег. Количество долларов за последние восемь лет, с начала кризисного периода, увеличилось более чем в три раза. Количество евро выросло в полтора раза, йены — в два (я говорю о денежной базе). То есть идет колоссальная денежная накачка с очень низким КПД. Сегодня для того чтобы произвести дополнительной продукции на один доллар, нужно эмитировать четыре доллара, то есть экономика буксует.

В это время создается новый мирохозяйственный уклад. То, о чем сказал Александр Сергеевич, — классическая модель конвергенции. Экономика социализма с китайской спецификой — пример нового мирохозяйственного уклада, который преодолевает ограничения предыдущего. В нынешнем мирохозяйственном укладе главное — деньги, и неважно, какой ценой они получены. Поэтому финансовая олигархия, присосавшаяся к центрам эмиссии мировых денег, получает сверхприбыль, ничего не делая и даже создавая хаос вокруг себя. В новом мирохозяйственном укладе, который формируется сейчас, главное не деньги, а производство материальных благ. Назовем его интегральным — термин, который ввел Питирим Сорокин, рассуждая как раз в категориях конвергенции о том, что же будет после капитализма и социализма. Он тогда провидчески говорил о том, что возникнет новая система, в которой будут сочетаться преимущества того и другого и отсутствовать их недостатки. В итоге родилась система на основе советского опыта, но с опорой на механизмы рыночной самоорганизации. В Китае реализуется классическая модель конвергенции, включающая централизованное планирование и рыночную самоорганизацию, государственную собственность в основных сферах, прежде всего в финансовом секторе, и широкое частное предпринимательство везде, где только возможно. Государство в этой модели занято гармонизацией интересов.

Экономика — это не только сложная хозяйственная деятельность, но и не менее сложная человеческая среда. Научно-технический прогресс требует частной инициативы и предприимчивости, и в то же время нужно создавать такие условия, при которых частная инициатива идет на пользу всему обществу. В этой модели, в отличие от американоцентричной глобализации, главное не деньги, а народное благосостояние, как было в СССР, и государство регулирует экономику таким образом, чтобы частные интересы хозяйствующих субъектов работали на общее благо — повышение качества и уровня жизни, конкурентоспособности и т. д.

Опасность переходных периодов заключается в том, что мы их не замечаем. Находясь в ортодоксальных схемах, мы с трудом осознаем смену технологических укладов. В этих условиях стратегия экономического роста должна быть смешанной. Безусловный приоритет — опережающий рост нового технологического уклада, а для этого — создание механизмов льготного кредитования и государственное субсидирование инновационной активности в новых направлениях роста. Необходимо динамическое намерствование в тех сферах, где мы немного отстали и имеем возможность догнать, и догоняющее развитие за счет импорта технологий и прямых иностранных инвестиций там, где мы отстали безнадежно. Все это требует гибкой системы кредитования, сочетания стратегического планирования и рыночной инициативы, частно-государственного партнерства и создания механизмов совместной деятельности государства и бизнеса, где бизнес берет на себя обязательства расширять и модернизировать производство, а государство обеспечивает дешевыми долгосрочными кредитами под цели развития производства и создает стабильные макроэкономические условия.

Для того чтобы справиться с современными технологическими вызовами, надо как можно быстрее перейти к новому мирохозяйственному укладу. Необходимо восстановить те институты, которые мы утратили, на новой основе. Речь не идет о копировании чужей модели. Новый мирохозяйственный интегральный уклад — это не только Китай, но и Индия, конституция которой провозглашает главенство общественных интересов над частными и позволяет государству планировать и серьезно влиять на развитие экономики. Это японская модель, в основе которой, как и в южнокорейской, лежит частный бизнес, но где интересы общества и развития также ставятся выше интересов олигархии. Государство за этим следит, и там невозможны такие валютные колебания, когда манипуляция курсом становится главным источником прибыли.

К сожалению, до сих пор смена мирохозяйственных укладов проходила через войны. Агрессия США сегодня — это реакция американской элиты на утрату лидерства. Так было всегда — так отвечали англичане, когда рушилась Британская империя. Это логика политико-экономического процесса. Соединенные Штаты и их союзники теряют лидерство в мире, они уже проиграли экономическую конкуренцию Китаю, и каждый раз, когда страна-лидер теряет доминирующие позиции в мире, она стремится использовать все возможности для сохранения периферии под своим контролем. После распада СССР все постсоветское пространство в политэкономическом смысле было периферией американоцентричной финансово-экономической системы. Поэтому главный удар американской агрессии наносится именно по нашему пространству. И в силу сочетания субъективных и объективных факторов центром этого удара стала Украина, что вполне логично вписывается в англо-германские геополитические доктрины еще XIX века. Понятно, что дело не в европейском выборе. Украина сегодня — оккупированная территория, которая используется для дальнейшего про-

должения и развязывания гибридной войны, потому что американские властные элиты думают, что таким образом они избавятся от бремени лишних долгов, усилят свои конкурентные преимущества за счет контроля над периферией. Контроль над нами, с точки зрения традиции англо-германской политики, дает им контроль над всем миром.

Для того чтобы избежать войны, мы должны одновременно двигаться по пути опережающего технологического развития, наращивать свои конкурентные преимущества, создавать коалицию на базе институтов нового мирохозяйственного уклада. В отличие от либеральной глобализации, новый мирохозяйственный уклад базируется на признании в международных отношениях национальных интересов, национальных суверенитетов. Здесь нет стремления сломать границы, поэтому либеральная глобализация заканчивается, вместо нее приходит разнообразный и поливалютный мир разных экономических пространств. Необходимо создание антивоенной коалиции стран на новых принципах на базе институтов нового мирохозяйственного уклада, исходя из уважения суверенитета и разнообразия всех участников. И наконец, последний переходный период, который мы переживаем сегодня, — это, возможно, смена мировоззренческого уклада. Но это, вероятно, должно стать темой следующих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону Почетного доктора нашего Университета господина Мигеля Моратиноса.

М. МОРАТИНОС: — Снова я вернулся в этот Университет, уже в четвертый раз, и благодарю за это моего друга Александра Запесоцкого. Вновь передо мной уважаемая аудитория, включая студентов. Я выступал здесь по разным вопросам и темам, и чрезвычайно рад выступить еще раз. Также я испытываю огромную ответственность за то, что нам предстоит сделать. У нас не так много времени, и мы должны успеть дать молодым определенным посыл, направить послание. В этом перепутанном мире существуют очень трудные вопросы, поскольку война — это сложное глобальное явление, полное неопределенностей. Все говорят о глобализации, глобальном мире, и мы сегодня поговорим о глобальных вызовах и национальных интересах и о диалектике их взаимоотношений, потому что они находятся в процессе борьбы друг с другом.

Итак, мы уже привыкли к глобализации. Советник Президента РФ В. В. Путина только что говорил о том, что нужно вернуться к национальному суверенитету и независимости. Я согласен с тем, что даже если мы этого не хотим, мы должны уважать национальные интересы каждого государства. Тем не менее мир изменился. И мы понимаем, что раз это случилось, то нам будет трудно вместе преодолеть наши разногласия, чтобы объединиться. Глобализация — это то, что все понимают, но для того чтобы руководить этим процессом с учетом интересов каждой нации и каждого суверенного государства, нам нужна глобальная политическая система. А такой системы нет. У нас есть глобальная

финансово-экономическая система, которая действует, но у нас нет глобального сообщества, которое бы могло учитывать национальные интересы каждой нации.

Мир — это сложное явление. Студенты сегодня учатся в университетах, пытаются понять сложность сегодняшнего мира. Это уже теперь не вопрос национального государства и различных субъектов отношений. Сейчас все эти элементы взаимодействуют друг с другом, возникают другие отношения, и необходимо найти решение тех вопросов, которые не решаются. Надо понять квинтэссенцию нового мира, который мы построили. Поэтому, когда у нас существует какая-то сложность, необходимо находить сложные ответы и сложные средства решения.

Мир полон неопределенности. Я сегодня разговаривал с А. Муса, моим большим другом, и выразил ему искреннее сочувствие по поводу того, что происходит в Средиземноморье на Ближнем Востоке. Мы не знаем, что может произойти в любой момент — или какая-нибудь экологическая катастрофа, или атака террористов. Мы не можем этого предсказать. Нам нужно научиться понимать, что может случиться. Такова реальность. Каким образом мы можем совместить национальные интересы с глобальными рисками и интересами? Должен сказать, что вообще нам нужно задаться многими вопросами. Что такое национальные интересы? Кто решает, что это такое? Как лучше защищать национальные интересы — действиями самой нации или какими-то региональных, мировых сил? Как нам понять, что такое национальные интересы? Конечно, более или менее мы понимаем, что традиционно у каждого государства есть исторические, географические, экономические, политические интересы, у всех нас есть свои интересы. Но в сегодняшнем мире традиционный подход, что внешняя политика — это продолжение внутренней политики, изменился.

Очень важно, чтобы в повестку дня мира были включены национальные вопросы — точно так же, как вопросы глобального терроризма, миграции, беженцев, потому что они тоже актуальны сегодня. А национальные страны должны как-то выстоять перед лицом этих глобальных вызовов. В XIX–XX веках внешняя политика была продолжением внутренней политики, но сегодня мы отходим от этой ситуации, потому что возникают новые вызовы во всем мире. В этом проблема, которую надо преодолевать. Как мы будем ее решать? На основе международного сотрудничества, на основе гораздо более согласованных решений. Посмотрите на Сирию, на Ближний Восток, который сегодня является парадигмой развития мира. Это грозит мировой войной, потому что оружие пересекает самые разные границы. Мы до сих пор не нашли окончательного решения по взаимоотношениям Палестины и Израиля. Но одновременно с этим у нас возникают новые сценарии, в которых существуют гигантские противоречия, например между религиями. Часто бывает так, что между странами установлены хорошие отношения в одних вопросах, но в то же время они расходятся в других. Вот такая сложность. И единственный способ преодолеть ее, преследуя поистине национальные интересы, — это создание общей повестки дня,

принципов взаимодействия, чтобы обеспечить надежное будущее для всего человечества. И такое решение можно найти.

Сегодня мир изменился, я уже говорил об этом и раньше. Но даже сегодня, в 2016 году, мы должны осознавать и быть еще более уверенными в том, что возврата назад, к прошлым временам и режимам, не будет. Это нельзя повторять, надо смотреть в будущее с точки зрения налаживания системы коллективной безопасности. Поэтому необходимо провести выборы нового секретаря ООН, чтобы изменить само качество работы организации. Вот что я предлагаю: не смотреть в прошлое, а идти в будущее. И при этом проводить такие интерактивные диалоги друг с другом. Уважаемые друзья, я европеец и долгое время был представителем Европейского Союза здесь, в Санкт-Петербурге. Я хочу сказать, что Россия должна теснее работать с Европой, и российские министры об этом прекрасно знают. Нельзя просто говорить, что ЕС оккупировала Украину. Европейцы должны вместе с Россией работать в направлении преодоления кризиса, а не развития антагонизма и противоречий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Леонидовичу Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Лихачевские чтения — это совершенно уникальная площадка, где можно говорить на совершенно разные темы, не боясь, что тебя обольют зеленкой. И поэтому я не боюсь сказать такую вещь, которая, может быть, некоторым не понравится. Человек по своей природе так устроен, что хочет найти что-то, что является наилучшим или оптимальным, с его точки зрения, и стремится к этому, прилагая огромное количество усилий, но очень часто это ни к чему не приводит. Например, он находит, по его мнению, наилучшую политическую систему или наилучшее экономическое устройство и говорит: все, теперь будем жить так.

Многие философы знают такого ученого — Теодора Ильича Ойзермана, который недавно отметил свой 102-й день рождения. Он относительно недавно написал книгу под названием «Метафилософия». Смысл книги такой: есть много великих философов, которые разрабатывают свою систему мира, свое понимание того, как устроен мир, и многого, что с этим связано. У одного ученого одно представление, а у другого великого — другое. Так вот Теодор Ильич говорит: прекрасно, что их много, что есть такое многообразие. Если бы все философы сошлись в одном, то все, дальше никакого развития науки бы не было, произошло бы что-то непонятное.

То, что я хочу рассказать, относится к тем, кто любит чистую науку, компьютеры. На нашем веку было три гения: Алан Тьюринг, придумавший универсальную машину, которая может вычислять все что угодно; Джон фон Нейман, разработавший концепцию создания клеточных автоматов, которые могут сами себя воспроизводить (возможность создания жизни из мертвой материи); и ныне здравствующий Стивен Вольфрам, который придумал компьютерное искус-

ственное общество и провел с ним огромное количество экспериментов, результаты которых собрал в книге «New kind of science» («Новый вид науки»). Ключевой тип экспериментов, о которых он говорит, касается того, что если искусственное общество стремится к тому, чтобы стать единой идеологической, политической и тому подобной системой, то есть какой-то единой конструкцией, то все, общество останавливается в своем развитии. В компьютерном эксперименте оно обозначено просто неподвижной точкой. Настоящего развития нет, хотя общество продолжает жить. А развитие получается только тогда, когда в обществе нет каких-то идеалов, а есть существа, которые все время создают хаос. Ну, у Вольфрама это называется хаос, а мы можем это называть по-разному, например деятельностью творческих личностей.

Творчество возникает тогда, когда есть элементы хаоса. Когда большая часть общества соглашается идти в определенном направлении, а меньшая часть, которая создает хаос, говорит: «Нет, давайте что-то делать по-другому». И тогда, говорит Вольфрам, действительно происходит дальнейшее развитие общества, и оно может длиться бесконечно. Конечно, люди могут не верить в результаты компьютерного эксперимента, хотя это на самом деле так. Ученым разработана большая система, которая называется «Вольфрам-математика», и в ней можно смоделировать все что угодно. Этот пример показывает, что надо друг друга слушать и не считать, что только твоя точка зрения правильная, оптимальная, а другие люди ничего не понимают. На самом деле все время в обществе должно присутствовать многообразие интересов, и когда оно уменьшается или доходит до того, что нет другого мнения, — все, это конец развития, конец истории, как говорил Фукуяма. Так что давайте друг друга слушать и уважительно относиться к любой точке зрения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующим выступает академик Владислав Александрович Лекторский, один из крупнейших мировых философов.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня уже прозвучало много интереснейших выступлений, высказана масса идей, попробую свои мысли соотнести с тем, что уже было сказано. Тема нашей дискуссии «Глобальные вызовы и национальные интересы». Раньше мы говорили о глобализации, сейчас — о глобальных вызовах. Вопрос: это одно и то же или нет? Я думаю, что есть некоторые различия в нюансах. Какое-то время назад мы говорили о глобализации и считали само собой разумеющимся, что этот процесс идет, его нельзя остановить, и это, так сказать, главный тренд развития человечества. Но я хочу вам напомнить о том, что когда разговоры о глобализации только начались и пришли на смену идей Фукуямы насчет конца истории, этот процесс мыслился как распространение на весь мир некоторых экономических механизмов: рыночной экономики, финансовых механизмов и транснациональных корпораций. Это одна сторона дела. А вторая сторона — это новые технологии, прежде всего коммуникационно-информационные, которые распространяются повсюду,

и никто не может избежать этого процесса. Считалось, что когда этот процесс охватит весь мир, то все будет развиваться на основе ценностей определенной культуры — западной, и поэтому западная культура распространится по всему миру. Помню, лет 15 назад я читал тексты, в том числе и российских авторов, о том, что сама проблема национального государства, национальных интересов — это анахронизм. Что значит национальные, когда у нас все единое, целое, происходит объединение мира?

Валерий Леонидович только что сказал, что гомогенизация — это опасная вещь, что должны быть плюрализм, разнообразие, элементы, не укладывающиеся в единую схему. Да, это верно. До недавнего времени царили мысли о том, что мир будет единым, поэтому проблема национальных культур, национальных государств — это вроде бы дело прошлое. Однако жизнь показала, что глобализация в таком виде не работает. Считалось, что процесс глобализации основан на мировой экономике — механизме, который вроде бы не зависит от культурных ценностей. Другой компонент глобализации — развитие науки и технологии, а это тоже процесс, не зависящий от той или иной культуры. Однако оказалось, что в действительности дело обстоит не так, а гораздо сложнее, потому что процесс глобализации — распространение определенных экономических, финансовых и политических механизмов, институтов на весь мир — натывается на сопротивление тех культур, которые есть, и с этим нельзя не считаться.

Теперь несколько слов о международном терроризме. Этот феномен — все-таки новое явление в истории. Раньше такого не было. Были другие вещи: происходили столкновения цивилизаций, о которых писал Хантингтон. В течение столетий шли столкновения, скажем, мусульманской и христианской европейской цивилизаций. Происходили войны, арабы завоевывали средиземноморский ареал, потом были походы крестоносцев на Восток. В общем, много чего было. Но это другое. Международный терроризм в том виде, в котором мы имеем его сейчас, — это в каком-то смысле продукт глобализации в довольно уродливом виде. Современный международный терроризм — это противодействие глобализации. И вместе с тем он пытается быть некоторой глобальной силой. А люди, участвующие в нем, охотно используют современные информационные технологии в своих целях. Это мы хорошо знаем. Так что это новый феномен, который нуждается в специальном обсуждении.

Сейчас все чаще говорят, что речь идет не столько о глобализации, сколько о глокализации. То есть какие-то глобальные процессы идут, и они, видимо, неизбежны, но одновременно сопровождаются созданием некоторых локальных структур. И без этого развития не будет. Глобальные вызовы — это более точная формулировка происходящего, чем просто глобализация, хотя последняя тоже имеет место. Вопрос в том, что если глобальные вызовы возникают, то как на них ответить? Можно суметь ответить, а можно и не суметь. Если та или иная сторона, тот или иной культурный регион не могут найти ответов, их ждет незавидное будущее,

если вообще ждет. Многие утверждают, что сейчас мир по разным причинам вступил в стадию, когда трудно что-либо предсказать, сделать прогнозы даже на год, не говоря уже о более длительном периоде.

Вообще социальные процессы предсказывать очень сложно. Известный классик философии XX века Поппер даже написал книгу, где попытался обосновать тезис о том, что предсказывать большие социальные изменения в принципе невозможно. Когда мы предсказываем, например, движение планет на небосводе, то можем точно вычислить, в какой момент времени и в каком месте будет то или иное небесное светило, и наши предсказания не влияют на его движение. А когда мы имеем дело с обществом, то наши предсказания влияют на поведение людей, меняют тем самым социальную ситуацию. Поэтому предсказывать социальные процессы довольно сложно. Тем не менее какие-то прогнозы делать, конечно, можно, но только в самом общем плане.

В связи с этим хотелось бы сказать, что связанная с глобальными процессами и вызовами смена технологических укладов, о которой говорил Сергей Юрьевич Глазьев, — это не просто новый этап экономического развития, новая ступень, новый уровень, а вызов человечеству. И это вызов существующим культурам и системам ценностей, потому что новые технологии вмешиваются в человеческую жизнь и меняют ее. Сейчас обсуждается идея трансформации человеческой телесности и психики, очень популярна идея улучшения человека “Human enhancement”. Улучшить человека можно с помощью нано-, био-, информационных и когнитивных технологий и генной инженерии. Как? Якобы можно сделать людей более выносливыми, более умными, даже, с точки зрения сторонников этого подхода, как ни странно, более нравственными и эмоциональными. Я не согласен с этой идеей и писал об этом. Не буду сейчас об этом говорить. Таких вызовов очень много, и все они глобальные.

Эти вызовы возникают при наличии разных культур с их системами ценностей. И самое главное — все эти культуры при всем их разнообразии сталкиваются с одними и теми же вызовами и пытаются на них отвечать. Очень важно, чтобы эти культуры не замыкались в себе. Философ Г. Лейбниц считал, что весь мир состоит из некоторых монад, которые не могут взаимодействовать друг с другом, потому что каждая монада замкнута сама на себя и не имеет выхода к другим. Так вот культуры не могут быть самозамкнутыми, они должны быть открыты и, главное, понимать другие культуры, их ценности, нужды, пытаться взаимодействовать с ними. Поэтому если мультикультурализм понимается как сосуществование замкнутых в себе культур, то, конечно, в таком виде он нежизнеспособен, обречен на провал. Но это не исключает того, что мультикультурализм возможен в том случае, если разные культуры стараются понять друг друга, пытаются взаимодействовать и меняться в процессе этого взаимодействия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Тому Рокмору, специалисту по философии из Китая.

Т. РОКМОР: — Я преподаю в Китае. И поскольку я там работаю, то, конечно же, должен был познакомиться с марксизмом. Как известно, Китай — это марксистская страна. А здесь я удивился, узнав, что существуют противоречивые мнения о Марксе и марксизме. Сегодня говорили, что тот капитализм, который имел в виду Маркс, исчезнет, может быть, через 10–20 лет. У Маркса была теория перехода от капитализма к коммунизму, и если мы внимательно изучим различные публикации, то увидим, что существует несколько моделей. Одна из них основана на подъеме пролетариата как всемирного явления. Тогда он говорил, что пролетариям нечего терять. Сейчас мы осуществляем какие-то вещи, о которых говорил Маркс. Но когда он обратился к экономическому переходу от капитализма к коммунизму, то сказал, что капитализм обречен. Но центральное место в выводах Маркса занимает его мнение, что обязательно возникнет неуправляемый конфликт, который капитализм не сможет разрешить, и придется менять схемы ответов. Маркс считал, что это логический процесс.

Дело в том, что экономические явления не происходят как логическая необходимость. Марксистские взгляды на упадок капитализма связаны со снижением прибыли, но это весьма противоречивая точка зрения. С тех пор его мнение подвергалось критике многократно, последнее замечание состоит в том, что у нас вообще нет информации о снижении прибыли, что это просто фантазия революционных умов. Какой вывод можно из этого сделать? Что Маркс в XIX веке формулировал идею о переходе от капитализма к коммунизму для решения определенной социальной проблемы. Но если переход от капитализма к коммунизму не стоит в повестке дня и даже если он и произойдет через 10–20 лет, то как нам смириться с тем, что капитализм не исчезнет, что он выдержит испытания? Может быть, это будет другой вид капитализма. Проблема состоит в том, чтобы использовать достижения капитализма для решения проблемы, которую проанализировал Маркс еще в XIX веке и на основе которой наметил пути для перехода от капитализма к коммунизму.

В заключение хотелось бы высказать еще одну мысль. Профессор Лекторский уже говорил о взаимоотношениях между экономикой и терроризмом. Я не согласен с тем, что говорили экономисты в отношении глобализации, но расширение капитализма тесно связано с этим процессом. И мне хотелось бы отметить, что расширение капитализма — это важное явление, с которым связано и распространение терроризма. Раз нас волнует проблема терроризма, мы не должны забывать, что капитализм в какой-то мере вызывает рост этой угрозы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Ташансу Тюркеру из Турции.

Т. ТЮРКЕР: — Уважаемые участники конференции — члены президиума, представители органов власти, ученые разных уровней! Аудитория здесь очень авторитетная, но я думаю, что самые главные здесь — студенты, которые будут создавать завтрашний день

и жить в новых условиях. XIX век был временем, когда все развивалось и основывалось. Сегодня по всем прозвучавшим выступлениям я увидел, что все сходится в одном — что в мире происходят гигантские изменения, и все согласны с тем, что ситуация непонятная, неопределенная, достаточно темная. Изменения всегда происходили в истории. Не было таких периодов, когда бы не было изменений. Даже когда была какая-то статичность в развитии, все равно изменения продолжались. А сейчас они происходят очень быстро. Кто-то, говоря об истории, сказал, что сейчас такой сильный ветер, что никакие англы не могут помочь с ним бороться. Речь идет не об отдельной системе, не о национальном государстве, не о войнах или революциях, которые мы видели в истории. Речь идет о социальном укладе. Кто-то здесь говорил о кризисе современности, и это действительно так — современность находится в кризисе. Современность — это то, что переживает весь мир, или то, что он переживал до недавнего времени. Этот кризис связан с самоопределением подлинно национальных государств. Но также он связан и с ценностями, о которых мы говорим сейчас.

Сегодня пропадают многие константы, основанные на фундаменте современности, но сейчас существует и другой подход. Мы можем говорить и о том, и о другом. Например, в XIX веке была только одна цивилизация. Кто создал эту цивилизацию? Кто пользуется ее достижениями? Откуда идет социальное обеспечение? Все это было плодом цивилизации, но затем произошло нечто обратное. Пришла Вторая мировая война, которая стала гуманитарной катастрофой. А сейчас мы наблюдаем множество таких катастроф, которые происходят повсеместно. Поэтому константы утратили свою силу, и не только в цивилизованном мире, но и во всех странах это происходит, и страны третьего мира уже находятся не на периферии, а именно в центре современности. И это увеличивает существующие вызовы. Поэтому я считаю, что через два-три десятилетия появятся новые интеллигенты, мыслители, как и в XIX веке. Я призываю студентов, которые здесь сидят, стать такими мыслителями, интеллектуалами. Поскольку хаос вызывает появление новых возможностей, то университеты и академии должны предложить новые мысли.

В заключение очень кратко отмечу то, что касается модернизации страны. Мы говорим о кризисе современности, но я из Турции, древнего государства. В прошлом году я здесь говорил, что если сравнить Турцию и Россию, то можно увидеть много общего, в том числе и в нашей истории. Между нашими народами сложились хорошие отношения. Я так говорил в прошлом году и говорю об этом сейчас. Мы сотрудничали в последние 300 лет, модернизировались. Поэтому концепция Запада является основной фигурой интеллектуальной жизни и общества Турции. Но что может вскоре произойти? Я думаю, что наши страны, так же как и в XIX веке, пойдут одной дорогой. И мы, конечно, будем следовать возникающим процессам или сопротивляться им. Мы считаем, что должны находиться в русле этих процессов. Это будет лучше и безопаснее для всех нас.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — Уважаемые коллеги, мне очень приятно выступать в таком замечательном собрании. Я хотел бы сказать, что, с моей точки зрения, как и с точки зрения большинства присутствующих, самая сильная сторона Лихачевских чтений (о чем говорил, в частности, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гагидин) состоит в сочетании хорошей теоретической базы с практическими выводами, которые вытекают из методологических оснований той или иной науки. Это замечательный форум. Я хотел бы сказать, что Дмитрий Сергеевич Лихачев, как всем известно, был выдающимся специалистом прежде всего по древнерусской литературе и культуре, но выводы, которые он делал на этом материале, имеют широкое прикладное значение. И совершенно справедливо, что Чтения носят имя академика.

Каждый год мы продолжаем в Санкт-Петербурге традицию, заложенную Лихачевым. В связи с этим хотелось бы затронуть проблему глобализации в определенном аспекте. Как-то по приглашению ректора Университета А. С. Запесоцкого я читал здесь лекцию о гениальном произведении Гёте «Западно-восточный диван». Думаю, что сегодня подобное произведение не могло бы вызвать того резонанса, который произошел после его публикации в 1819 году. Таковы результаты глобализации.

Сегодня уже говорили о «Евровидении». Я хочу сказать не о результатах, а о другом. Согласно неписанным правилам «Евровидения», выступления обязательно должны петь на английском языке. В первых конкурсах «Евровидения» артисты выступали на разных языках, а сегодня практически все поют по-английски. К чему это приводит? В Европе есть масса народов с прекрасными музыкальными традициями — я имею в виду не только фольклор, но и эстрадное пение. Например, Испания, Франция, Италия, Украина, Грузия — можно перечислять бесконечно, но все должны петь по-английски. На Чтениях присутствовал Полад Бюльбюль оглы из Азербайджана. Так вот в 2011 году азербайджанцы выиграли конкурс «Евровидение». Но выиграли они не с азербайджанской народной музыкой, а с песней, прозвучавшей на английском языке. Я уже не говорю про украинское пение, которым мы всегда восхищались, и т. д. Но попробуйте сегодня выиграть европейский конкурс с песней, восходящей к истокам народной музыки! Это невозможно.

Я вспоминаю выдающегося петербургского ученого Игоря Михайловича Дьяконова. Это был замечательный специалист по древним письменностям. Ему на 80-летие подарили адрес, исполненный клинописью. Так вот однажды во время обеденного перерыва его ученик рассказывал ему о своих новых открытиях относительно Александра Македонского. Ученик видит, что Игорь Михайлович пьет чай и совершенно не обращает на него внимания, и говорит: «Игорь Михайлович, я же вам рассказываю совершенно новые вещи про Александра Македонского». Как гласит молва, Дьяконов посмотрел на него задумчиво и ска-

зал: «Молодой человек, Александр Македонский — это вчерашняя газета, а вы знаете, газет я не читаю». На этом разговор и закончился: Александр Македонский в глазах выдающегося ученого был слишком современен, был только «газетой», пусть и «вчерашней», а потому и не мог быть достоин внимания специалиста по древним культурам. Я вовсе не призываю здесь заниматься древностями и другими высокими теоретическими проблемами, я призываю к тому, чтобы мы, изучая древнюю, средневековую культуру в духе разысканий Дмитрия Сергеевича Лихачева, оценивали настоящее и смотрели в будущее. Потому что народ, который не знает своего прошлого, не имеет будущего, и подобный подход тоже является частью системы национальной безопасности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю на трибуну доктора Ашока Саджанхара, нашего гостя из Индии.

А. САДЖАНХАР: — Уважаемые коллеги, я хотел бы выразить глубокую благодарность за теплый прием, который оказал нам Университет. Тема этих Чтений — «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Это действительно очень важная тема. Я хотел бы очень кратко обрисовать инициативы внешней политики и нового правительства Индии и показать, как Индия пытается решать существующие проблемы глобальных вызовов. Я думаю, большинство из вас слышали о том, что наше правительство во главе с премьер-министром Моди пришло к власти ровно два года назад, 19 мая 2014 года. И надо сказать, что мы считали тогда, что внешняя политика будет самым слабым звеном по сравнению с нашими основными отраслями. Мы к тому времени достигли огромных успехов во всех остальных отраслях, но у нас не было опыта в сфере международных отношений. Я думаю, что за последние два года деятельность Моди показывает и подтверждает, что он — один из наиболее успешных специалистов в области внешней политики Индии.

Хотел бы сейчас остановиться на нескольких инициативах, с которыми он выступил. Прежде всего это политика, которая в первую очередь учитывает интересы добрососедства, хороших отношений с соседними странами, для того чтобы обеспечить максимальный результат с точки зрения сотрудничества и дружественных связей. Когда Моди занимал свой пост, он пригласил руководителей соседних стран региона приехать для участия в церемонии присяги, которую он давал. После этого он посетил разные страны. Первой страной, в которую он приехал с визитом, был Бутан, затем Непал, после он посетил другие соседние государства. Затем очень импровизированно на пути из Индии в Россию состоялся визит в Пакистан и Афганистан.

Один из главных аспектов его политики — это прежде всего быстрое развитие экономики. Индия — одна из крупнейших быстро растущих экономик. Уровень роста ВВП составил 7,6 %, то есть 72 млрд долларов. И самое важное здесь — это то, что если Индия будет расти экономически, то и соседние государства также будут развиваться. Еще один важный момент — это запуск спутников, к которому Индия сейчас готовит-

ся. Кроме того, в сельском хозяйстве, рыбном хозяйстве и других отраслях мы также тесно сотрудничаем с соседями. Второй аспект, который я хотел бы отметить, — это экономическое сотрудничество с Восточной Азией. Сейчас основной упор делается на расширение связей и единства не только в области экономики, но и в области обороны и культуры.

Хотелось бы также отметить такой важный момент, как сотрудничество с Китаем, Новой Зеландией и рядом других наших крупных соседей. Двенадцать стран Тихоокеанского региона подписали соглашение о сотрудничестве. Также необходимо сказать о наших взаимоотношениях с Россией и Центральной Азией. Моди — первый премьер-министр Индии, который посетил страны Центральной Азии. Он побывал на встрече с президентом Путиным. Сначала была короткая встреча, а затем на саммите. Россия поставила 12 ядерных реакторов, она является самым крупным поставщиком такого оборудования к нам.

И далее два момента, которые касаются руководства. Здесь уже говорилось сегодня о вопросе лидерства. И прежде всего это касается такой важной деятельности, как борьба с терроризмом, и в этом плане Индия сотрудничает с разными странами Азии и других регионов. Например, недавно господин Моди побывал с визитом в Иране. Мы в отношениях с этими странами всегда обращаем особое внимание на вопрос терроризма. Последний очень важный момент, который хотелось бы отметить, касается изменения климата. В этом смысле Индия испытывает дефицит энергоносителей, и поэтому мы сейчас движемся к испытанию новых возобновляемых источников энергии. Новые источники будут вырабатывать 175 гигаواتт энергии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону академика Роберта Искандеровича Нигматулина.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемый Александр Сергеевич, как Вам удалось собрать столько чрезвычайно интересных людей? Я восхищен организацией Чтений и большинством выступлений. Для меня большая честь выступить с этой трибуны.

Великий физик Джозайя Гиббс сказал, что одной из задач науки является найти такую точку зрения, с которой изучаемое явление представляется простым. Это чрезвычайно актуально и для современных наук, которые заняты проблемами глобализации.

Мы чувствуем, что наша история, история России, русская история — особая. Я даю этому климатическое объяснение — мы живем в условиях самой длинной и холодной зимы, а также непредсказуемого лета. Миссия России — строить цивилизацию в этом климате. Напомню, что в Скандинавских странах и Канаде зимы гораздо теплее, чем даже на Украине.

Наш климат самый неустойчивый: в этом году засуха, в следующем — заливают урожаи и т. д. Если ты рачительный хозяин, то живешь более или менее нормально, можешь содержать семью. Но таких меньшинство. А другие время от времени испытывают неурожайные годы. И это для них потрясение. Они хотят добиться своей «справедливости». Эта жестокость,

колебательные настроения характерны для нашей истории. Ни один из наших царей, генсеков, президентов прошлого не пользовался всеобщим уважением. До сих пор мы яростно спорим о Сталине и Ленине. Например, Генри Маркович Резник охарактеризовал Ленина и Сталина как преступников. Это вызвало одобрение как минимум половины зала. А если кто-то, допустим, будет восхвалять Ленина и Сталина, это тоже вызовет у половины слушателей одобрение.

Я человек технократического круга, свои утверждения формулирую в виде теорем. Выскажу несколько из них.

Несправедливость сильного может вызвать звериную реакцию у слабого. И тот терроризм, который мы сейчас наблюдаем, часто инициируется несправедливостью сильных по отношению к слабым. 70 лет назад Россия несправедливо поступила с чеченским, крымско-татарским и другими переселенными народами. И мы до сих пор чувствуем отголоски чеченской мести и ее кровавого следа.

Подавляющую часть энергоресурсов (90 %) потребляют только 25 % населения Земли. Остальная часть населения Земли (75 %) в основном живет за счет мускульной энергии. Поэтому когда мы говорим об экономии ресурсов, в том числе и во имя предотвращения изменения глобального климата, следует иметь в виду экономию в относительно богатых странах.

Далее, в России на душу населения добывается 3,7 т нефти в год. Из них 2,7 т вывозится в виде сырой нефти или простейших нефтепродуктов малого передела (бензин, дизельное топливо и др.) за границу. Именно за счет импортируемых природных ресурсов богатые люди покупают квартиры в Лондоне, виллы на южном побережье Франции. Как долго люди, испытывающие материальные лишения, могут все это спокойно терпеть?

Уважаемый писатель Даниил Гранин высказался за то, чтобы было поменьше государства. Конечно, моя либеральная душа хочет, чтобы было поменьше бюрократов (надо сократить этот раздутый госаппарат), поменьше ограничений и несправедливости со стороны государства. Но здесь надо не перестараться. Слом «сильного» государства может привести к такому его ослаблению, что власть захватят экстремисты и неподготовленные к управлению страной партии. Пока они научатся и наведут порядок, как показывает история XX века, они смогут истребить миллионы людей. Такое произошло в 1917 году, когда Временное правительство оказалось слабым, неэффективным и даже неспособным защитить себя и государственный порядок.

Конечно, сейчас у нас «хорошее» государство по сравнению со сталинским периодом. Оно не такое «злое». Но есть одно «но». К 1991 году показатель смертности в нашей стране примерно соответствовал показателям в Западной Европе и новых странах Европы. После 1991-го в «старых» европейских странах они немного снизились, а в новых странах показатели сохранились на том же уровне. А у нас после прихода к власти демократического правительства смертность скакнула вверх и достигла уровня, называемого в демо-

графии сверхсмертностью. И если мы проинтегрируем потери нашего народа за «либеральные годы» (с 1991 по 2015 г.), то получится, что за 25 лет раньше срока умерли 13 млн человек: 5 млн в ельцинский период и 8 млн в путинский. Это в мирное-то время! Это тоже надо учитывать при оценке «новой» России.

На протяжении всего XIX века в России была проблема, связанная с аномальной бедностью основной массы народа и богатством его малой части. Отмена крепостничества не решила земельную проблему. Главным тормозом развития производительных сил и жизни народа стала проблема передела земли. Сначала декабристы, потом разночинцы, затем народники, позже ожесточившиеся народовольцы и террористы вели борьбу с государством под эгидой решения этой кардинальной проблемы. Но так и не решили ее. В результате получили 1917 год, Гражданскую войну, становление нового режима, отягощенного миллионами жертв. А сейчас такой проблемой развития производительных сил и подъема страны стала проблема передела доходов. Полпроцента населения присваивает себе 10 трлн рублей в год. А весь федеральный госбюджет страны составляет 15 трлн. При таком «слабом» бюджете государство не может обеспечить нормы (в долях ВВП) социального государства на развитие человека (здравоохранение, образование, науку и культуру), которые стали привычными при советской власти. А нынешние государственные мужи и слышать не хотят об используемой во всех европейских и североамериканских государствах прогрессивной налоговой шкале. Именно она в какой-то мере выравнивает социальное неравенство и гармонизирует двигатель экономики — покупательский спрос. В соответствии с европейскими нормами богатые должны в большей мере пополнять государственный бюджет.

И закончить я хочу теоремой, которую 95 % здесь присутствующих наверняка не разделят. Но я глубоко убежден, что в современном сложном технократическом мире государством должен управлять не политолог, не экономист, не юрист, а инженер. Это стало глобальной проблемой мира.

Выдающийся человек, великий композитор Георгий Васильевич Свиридов, музыку которого мы помним и любим, высказал очень верную мысль: «Не так просто понять простые вещи». Господа философы, экономисты, политологи и юристы, думайте, что делать, и разберитесь в простых вещах. Вы часто путаетесь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Кстати, Свиридов — наш Почетный доктор, мы его хорошо помним. Но, думаю, эти его слова не относятся к нашим гостям, присутствующим здесь философам и экономистам. Уважаемые коллеги, я приглашаю на трибуну профессора Амели, гостя из Ирана.

С. Р. АМЕЛИ: — Мы сегодня говорим о глобальных вызовах и национальных интересах. И я хотел бы пояснить, что имеется в виду под глобальными вызовами. Это институциональные глобальные вызовы или же технологические, экономические, культурные, климатические глобальные вызовы? Что именно мы имеем в виду, говоря о глобальных вызовах?

Я хотел бы подчеркнуть несколько моментов относительно институциональных и технологических глобальных вызовов. С точки зрения институциональных вызовов мы должны здесь думать о Соединенных Штатах Америки. Мы постоянно их критикуем за то, что они создали мир, где доминирует их политика. Мы все время говорим о том, что они делают, но, тем не менее, США продолжают проводить эту политику независимо от того, нравится нам это или нет. Хотя мы видим некоторые изменения в позиции Обамы, но все равно политика США является основной причиной глобальных изменений. Дело не в том, что люди не могут говорить друг с другом, а в том, что существует очень много разных мнений. Мы знаем, что в XX веке множество людей погибло от войн, в 20 раз больше, чем в XIX веке. Поэтому мы приветствуем процесс рационализации, но, тем не менее, мы не стали относиться к войнам более рационально.

Происходит транснационализация мира. Происходит дальнейший рост коммуникационных технологий — это положительный признак, который показывает, что у нас существует глобальное соседство. Кто-то говорил сегодня о дефиците лидерства. Я считаю, можно даже говорить о его уничтожении. Если так и дальше будет продолжаться и если мы не будем этим процессом управлять, то у нас будет нехватка лидеров. С той же позиции надо рассматривать национальные интересы, которые основываются на культурном лидерстве. Если мы будем налаживать культурную сферу, тогда перестанем терять в экономике. Как мы можем этого достичь? Только посредством YouTube, Google и других подобных технологий, которые пришли из США и используются для доминирования в мире. Реально говорить, что мы сейчас живем в двойственном пространстве — физическом и виртуальном. Если мы утратим свои позиции в виртуальном пространстве, мы также утратим их и в реальном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы пригласить на трибуну академика Владимира Львовича Квинта.

В. Л. КВИНТ: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приглашение на этот замечательный форум. Здесь просто симбиоз великих мыслей, идей, которые рождаются прямо здесь, в стенах этого замечательного Университета. Тема моего выступления касается экономических последствий и стратегии борьбы с глобальным терроризмом и экстремизмом. Этой проблеме была посвящена одна из моих последних книг. Я бы не хотел вступать в дискуссию о глобализации, но, к сожалению, вынужден. Потому что глобализация, на взгляд стратега, — это одна из многих наиболее мощных глобальных тенденций, закономерностей, которые определяют, хотим мы этого или нет, экономические, социальные и даже в какой-то степени политические проблемы человечества. Как любая закономерность, она рождается, набирает высокую степень зрелости и в конце концов умирает. И далеко не одна закономерность глобализации действует сейчас в мире, также действует регионализация. Когда эти закономерности взаимодействуют, возникает такая изу-

чаемая и используемая экономистами закономерность, как глокализация.

Бесспорно, продолжают действовать крупные экономические и социальные закономерности. Я не хочу всего этого касаться сейчас, но в книге анализирую десять из этих закономерностей. Но предметом моего исследования глобального терроризма как одного из негативных глобальных трендов, глобального экстремизма являются в наибольшей степени две глобальные закономерности: сама глобализация и технологическая революция. Действительно, демократизация, как глобальный тренд, который зародился гораздо раньше, и регионализация, возникшая тогда, когда появились крупные региональные блоки, привели к тому, что национальные границы несколько размылись, стали более прозрачными. И этим воспользовались далеко не только позитивные силы, но и страшные силы невежества, малограмотности. Это прежде всего терроризм. Говорят, что терроризм рождается в неграмотности, в бедности, в среде нелегальной эмиграции. Это, конечно же, так, если мы посмотрим на то, что происходит, но откуда у бедных, малограмотных людей, лишенных социальной защиты, наиболее уязвимых, могут появиться идеология и финансирование в таких размерах, которые им позволяют наносить урон столь крупного масштаба?

О масштабах и экономических цифрах я скажу несколько позже. А вот что интересно: идеологизация и финансирование терроризма приходят из более богатых структур. Например, возьмем Саудовскую Аравию и то, что послужило, так сказать, толчком к началу глобальной борьбы с терроризмом. Теракт 11 сентября 2001 года, как вы знаете, совершили выходцы из Саудовской Аравии, далеко не самой бедной страны. Но там 21 % населения — неграмотные, только 59 % детей школьного возраста посещают школу, 41 % не посещает, в то время как они должны получать поддержку государства, семьи. Значит, образование само по себе не просто недостаточно финансируется, оно не является еще национальной идеей, ценностью. Вообще происходит конфликт цивилизаций. Чем быстрее идет глобальная интеграция (другая закономерность — чем больше усиливается тенденция глобализации), тем быстрее возникает конфликт цивилизаций — культурный, религиозный и даже образовательный. И этот конфликт цивилизаций воспламеняется наиболее ортодоксальными идеями, которые могут возникать в любой среде, и совсем необязательно в мусульманской. Возьмите норвежский феномен, где мусульмане были совсем ни при чем. И таких примеров очень много.

Что такое терроризм и экстремизм? Чтобы разработать и реализовать стратегию победы, нужно понять этот феномен. Как говорил Дмитрий Лихачев, если существует какое-то явление, его нужно категоризировать, определить. Вот и нужно определить терроризм. Разные международные многонациональные институты, такие как Лига Наций, пытались делать это с 1937 года. Но до сих пор нет единого определения этой категории, принятого Организацией Объединенных Наций. Чтобы разработать стратегию, нужно какое-то определение. Я, например, считаю так: тер-

роризм — это целенаправленный, неспровоцированный удар, направленный на невооруженных людей и невоенные объекты, когда с оружием атакуют безоружных, разрушают гражданские объекты и т. д.

Что можно сказать о глобальном терроризме? Нескольких примеров того, какой удар он нанес. Например, в следующие два дня после 11 сентября только авиация понесла убытки в 660 млн долларов; в течение 1,5 лет самый большой урон из всех отраслей экономики понесла индустрия страхования — 50 млрд долларов. В Нью-Йорке за 1,5 года после теракта безработица выросла в 21 раз, больше, чем за предыдущие 17 лет. Международная торговля наиболее сильно пострадала. Международная торговля и страхование в течение 1,5 лет после 11 сентября понесли ущерб в размере 3,3 трлн долларов, что сравнимо с национальными доходами многих государств. Терроризм — это социальная манифестация зла, и он должен быть уничтожен, но для этого необходимо объединить людей. Я, например, против того, чтобы создавать какие-то глобальные институты. Я в свое время изучал Яна Тинбергена, который одним из первых получил Нобелевскую премию по экономике в 1969 году. Он писал о том, что хорошо бы создать глобальное правительство. Я считаю это очень вредной идеей. А вот координация и кооперация на глобальной, международной основе для уничтожения манифестации зла терроризма очень поможет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас выступит знаменитый российский журналист Виталий Товиевич Третьяков.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Многое из того, о чем я буду говорить, вызвано тем, что говорилось до меня в этом зале. Кстати, я считаю, что сегодня проходит одна из самых фундаментальных по разнообразию и одновременно глубине дискуссий, которые когда-либо велись в рамках Лихачевских чтений.

Прежде всего сделаю три маргиналии на полях уже развернувшейся здесь дискуссии о либерализме, во всяком случае в российском его проявлении. Первая маргиналия: российский либерал (не знаю, как западный) представляет общественно-политическую жизнь как шведский стол в хорошей гостинице, куда он приходит и выбирает те блюда, которые ему нравятся. Причем он часто меняет этот набор на следующий день, но при этом заставляя всех остальных есть те же самые блюда и в тот же самый день, когда они ему понравились. Вторая маргиналия: либерализм, по крайней мере российский, лучше, чем российские либералы каждый в отдельности — если судить по их словам, и особенно по делам. И третья маргиналия: российские либералы очень много воруют, у них болезнь такая. Возможно, мы бы полюбили либерализм, если бы российские либералы не были такими алчными.

Теперь о глобализме, глобализации. По-моему, глобализация всем надоела. И я предчувствую, что скоро она надоест всем окончательно и мы сметем ее совместными усилиями. Обращаю ваше внимание на то, что на смену тем правительствам, элитам, которые

не заботятся об интересах собственного народа, рано или поздно приходят националисты, очень жесткие, радикальные националисты, иногда с оружием в руках. Так что национальные интересы, которым бросает вызов глобализация в том аспекте, о котором я сейчас говорю, безусловно, рано или поздно защитят себя сами. И дай бог, чтобы до этого времени нашлись умные, рациональные правительства, видящие банальности, те простые вещи, в которых призвал разобраться академик Роберт Нигматулин. Если они не разберутся в этих банальных вещах, то все будет довольно печально. Так что не нужно национализм заносить в черный список или думать, что он потерял способность к сопротивлению. Здесь еще многократно говорилось о конвергенции. А я в нее не верю. Конвергенция — это такой рай, когда из всяких обществ мы выберем все хорошее и будем при этом жить. Никогда такого не будет, рай на земле невозможен, равно как и ад под названием «абсолютная глобализация», потому что это тоже единообразие.

Другое дело, что Запад рекламировал нам глобализацию как нечто полезное, но имея в виду не наши интересы, а собственные. Потому что предполагалось, что глобализация — это когда вредное производство переносится в Азию, Африку и прочие «ближние восток», а деньги поступают, естественно, туда, где люди сами себя называют цивилизованными, в отличие от этих варваров. И тогда в теплые страны по туристическим путевкам ездят отдыхать разнеженные европейцы и американцы, а оттуда на Запад приезжают люди, только специально подготовленные через систему образования, которая тоже глобальна и поэтому отмирает. Образование тоже глобально распространяется из США и стран Европы. Его получают только специально отобранные люди, которые нужны этому обществу. Но оказалось, что глобализация — вещь несколько более сложная, как и все в жизни. Туда, на Восток, едут по путевкам, купленным в туристических фирмах, а оттуда вдруг в Европу приехали 1,5 млн человек безо всяких путевок. Ни у кого нигде разрешения не спрашивали, виз не получали — просто приехали. В том числе и террористы — это те самые варвары, с точки зрения европейцев. Но только глобализация обеспечила то, что раньше у варваров были копыта, а у «цивилизованных людей» мушкетеры. А теперь атомные бомбы — что у тех, что у других, только у одних грязная, а у других якобы негрязная. Так что не будет никакой глобализации, в конечном счете она рассыплется, и это хорошо. Как это произойдет — уже другой вопрос.

Несколько слов о проблеме языка, которая здесь тоже затрагивалась. Кстати, эта важнейшая проблема относится и к борьбе с терроризмом. В последнее время я многократно с разных трибун призывал отказаться, по крайней мере в России, от разделения на цивилизованные и нецивилизованные страны, цивилизованных людей и варваров. Все, что есть у человечества, — это часть одной цивилизации или разные части мировой цивилизации. И то, что нам кажется варварским, или непонятным, или каким-то иным, еще не значит, что это не цивилизация, просто это другая цивили-

зация. А мы в России привыкли ставить себя в униженное положение, говоря, что нам нужно стать цивилизованной страной. Мы сами себя считаем варварами, и что ж тогда удивляться, что таковыми нас считает и Запад, если мы сами к себе так относимся. Здесь говорилось о новом человеке в несколько ином аспекте, но я скажу так: плохие сценарии будущего ужаснее, чем представляется, во всяком случае, чем было заявлено сегодня в этой аудитории. Правда, замечательные сценарии будущего тоже есть.

Что касается языка, то если мы переходим на один язык — это тоже глобализация, единообразие. И тот, кто владеет этим языком, руководит процессом перехода на единый язык, будет владеть — уже владеет — и нашими мыслями, и нашим сознанием. Я категорически против того, чтобы вся научная литература в мире создавалась и цитировалась только на английском языке. Я сейчас не беру китайский — это другая проблема, я говорю о том, что касается бывшей христианской цивилизации, ныне распавшейся. Движение к единому языку — движение к смерти цивилизации.

И последнее: о морали. Тот, кто создаст нового человека — будет ли это биоробот, или соединение человека и робота, — создаст для него и новое мышление. Но так же не бывает, чтобы машину создал один, а программу в нее ставил другой. И в связи с этим у меня вопрос: а если этого нового человека создадут не российские ученые, а, допустим, опережающие нас английские или американские, то какое сознание они заложат в него — англосакса или русского? Я уверен, англосакса. Зачем им новый человек с сознанием русского? Отсюда и делайте выводы, кто должен создать этого нового человека, и что будет, если не мы первые это сделаем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему другу из Испании господину Хуану Антонио Марку.

Х. А. МАРК: — Я в нескольких тезисах представлю свое видение того, что происходит, обрисую общие черты. Для меня основной вопрос в том, что глобализация навязывает свои законы, и так было с возникновением первобытнообщинного строя и до сегодняшнего дня. Такова динамика развития человечества. Как развивается национальная идентичность? Здесь только два варианта, и в этом дилемма. В худшем случае, если люди недовольны, если они не мотивированы, это может вести к катастрофе, и мы наблюдали это в истории много раз. Представьте себе, что произошло в Римской империи, и в современной истории происходит. Существует множество культур, которые переживали очень сложные времена.

И другой момент — это то, что люди должны понимать, каков закон глобализации, и надо думать о перспективах будущего, и здесь есть определенные наработки. Каковы сегодня ведущие силы этого процесса? Это огромные возможности человека. И здесь не существует каких-либо больших различий. Раньше люди были только рабочей силой, а сегодня они — это своего рода компьютерная инновация. У каждого из нас

есть свои идеи, инициативы, и это главный момент для общества XXI века. Мощь людей сегодня основана на огромных возможностях каждого индивидуума. Другое дело, что эти люди живут в обществе, и здесь главное то, как эти группы индивидуумов будут работать в этом обществе. Потому что, если они настолько сильны, но не смогут должным образом все организовать, возникнет хаос. И мы наблюдаем, как это может происходить. Например, мы видим, как развивается, разрастается Сан-Паулу, и там появляется хаос.

И с этой точки зрения люди должны думать и понимать, что сегодня государство не должно давать им ничего другого, кроме хорошей организации жизненного пространства. Государство не должно давать людям деньги, защиту, поддержку, потому что по отношению к человеку оно может давать только то, что индивиды дают ему. Это мысль об организации пространства: если государство будет обеспечивать это пространство, то и индивидуумы будут давать государству свою долю. Главное в глобальном пространстве — это то, что все эти участки развиваются по-разному. За последние 30 лет Китай развивался фантастическими темпами. В этой стране с 1952 до 1982 года, где люди каждое утро вставали в 6 утра, работали весь день, за 30 лет зарплата поднялась с 300 всего до 380 долларов. А с 1992 до 2013 года доход дошел с 380 до 7,5 тыс. долларов, то есть зарплата возросла в 20 раз. Посмотрите, что может произойти в одной стране.

В заключение я хочу сказать, что, находясь здесь, в этой части мира, я вижу, насколько актуальна для нас проблема, как организовать новую Европу. Мы, по-моему, не очень мудро поступали с точки зрения развития Европейского Союза. Мы не смогли наладить нужные отношения с Россией, но мы думаем, что она может нам помочь поставить перед собой гораздо более честолюбивые цели, добиться многого в наших взаимоотношениях, потому что у нас было великое прошлое и нас ждет великое будущее. Когда-то мой хороший знакомый Анатолий Чубайс сказал, что большое преимущество современной России состоит в том, что там очень хорошо получается превращать деньги в науку, а превращать науку в деньги — не очень хорошо. А это значит, что для того чтобы превращать науку в деньги, нам нужны тысячи малых и средних предприятий, в этом смысле мы в Европе достигли хороших результатов. Эта система у нас должна будет наращиваться, так как к 2040 году уже будет очень большое количество жилого населения, и поэтому нам нужен экономический рост, чтобы обеспечить великое будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я не хотел бы разочаровывать Хуана Антонио, но господин Чубайс — специалист совсем по иным превращениям денег, у него в науку деньги, по-моему, никогда не превращаются. Я прошу к микрофону профессора Винсента делла Сала, нашего гостя из Италии.

В. делла САЛА: — Я очень рад приехать сюда снова, чтобы выступить на тему о глобальных вызовах

и национальных интересах. Мне понравились сегодняшние выступления разных специалистов. Я попытаюсь, может быть, как-то резюмировать определенные вопросы, которых мы сегодня касались. Доктор Моратинос говорил о том, что нам надо не смотреть в прошлое, а двигаться вперед. В Италии есть такое выражение: чтобы оставаться теми же самими, нам нужно меняться. Мы должны меняться, а не делать вид, что меняемся, если хотим развиваться.

Я не знаю, как мы решим вопрос глобализма, какая нам нужна архитектура, но считаю, что мы можем резюмировать все эти проблемы, используя очень полезную концептуализацию, о которой нам говорили как о политической трилемме, что есть три хорошие вещи, но мы можем выбрать только две из них. И проблема в том, от чего мы можем отказаться. У нас существует глобальная взаимозависимость. Доктор Азиз сегодня говорил, что мы можем получить суверенитет и глобализацию, но тогда нам придется отказаться от третьего

хорошего, а именно — от демократии и самоопределения, когда правительство государства учитывает мнение людей.

Итак, у нас могут быть демократия и суверенитет, но тогда не будет глобализации, то есть из этих трех концепций мы вынуждены отказываться от чего-то. Я думаю, что спор, который у нас был сегодня, о том, как нам отказаться от одного из этих трех позитивных элементов, будет продолжаться. С точки зрения глобального общества абсолютно ясно, что у нас нет консенсуса относительно того, что нам нужно. У нас нет консенсуса внутри наших обществ и между обществами. И подобные конференции, как наша сегодняшняя, дают нам возможность поспорить, какую из этих трех позитивных вещей мы должны взять и как нам управлять процессом. Мы видим, что у нас существует множество вызовов, но также есть множество хороших идей и очень много доброй воли, чтобы найти решение.